

о названіяхъ, не утверждаемъ, будто логика должна принять, съ одной стороны, номиналистическое ученіе о предложеніяхъ, съ другой,—теорію сужденій. Какими достоинствами обладаетъ одна изъ этихъ теорій и какія принадлежать другой,—объ этомъ мы тутъ не говоримъ ничего. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, намъ пришлось-бы, можетъ быть, рассмотретьъ каждую изъ этихъ теорій гораздо тщательнѣе. Мы только хотимъ опредѣлить отношеніе между двумя интересующими насъ теоріями и говоримъ, что онѣ не противорѣчатъ одна другой, такъ что, еслибы мы даже признали обѣ теоріи справедливыми, это не значило-бы, что мы допустили непослѣдовательность.

Итакъ, между ученіемъ о предложеніяхъ и теоріей сужденій существуетъ въ общемъ такое-же отношеніе, какъ и между номиналистическимъ ученіемъ о названіяхъ и логической теоріей понятій. Теорія сужденій—теорія логическая; ученіе о предложеніяхъ—психологическій анализъ явленій, имѣющихъ нѣкоторое значеніе для логики,—психологическій анализъ, который обусловливаетъ, быть можетъ, извѣстныя удобства при разработкѣ науки логики; теоріи эти не только не замѣняютъ и не опровергаютъ одна другую, но даже могутъ быть приняты обѣ вмѣстѣ, и въ этомъ нельзя было-бы видѣть непослѣдовательности.

Мы рассмотрѣли номиналистическое ученіе о названіяхъ и предложеніяхъ, принятое въ индуктивной логикѣ. Мы пришли къ заключенію, что ученіе это не противорѣчитъ теоріи понятій и сужденій, какъ ее разрабатываютъ представители направленія формальнаго. Эти двѣ теоріи посвящены вопросамъ различнымъ, и мы даже не допустили-бы непослѣдовательности, еслибы приняли обѣ теоріи. Но ученіе о названіяхъ и предложеніяхъ формальная логика не можетъ разсматривать, какъ теорію логическую. Это—просто психологическій анализъ явленій, дѣйствительно, важныхъ для логики, но все-же не логическая теорія, и подобный анализъ словъ и предложеній можетъ составить въ системѣ формальной логики лишь нѣкоторое добавленіе или введеніе. Пойдемъ теперь дальше.

Весь интересъ въ такъ называемой индуктивной логикѣ сосредоточивается на рассмотрѣніи приѣмовъ индуктивнаго изслѣ-

дованія ⁵⁰⁹). Приверженцы этого направленія предлагаютъ различные методы, пользуясь которыми мы въ наблюдаемыхъ нами частныхъ случаяхъ могли-бы выдѣлить причину и дѣйствіе, формулируютъ такъ или иначе всеобщій принципъ причинности и говорятъ, что, опираясь на этотъ принципъ, можно устанавливать законы природы, — стоитъ только воспользоваться рекомендуемыми методами и, дѣйствительно, выдѣлить въ томъ или другомъ частномъ случаѣ или тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ причину и дѣйствіе. Эту-то теорію индукціи и рассматриваютъ обыкновенно, какъ реакцію противъ логики формальной вообще, какъ нѣчто, сравнительно съ формальной логикой, новое, какъ нѣчто такое, что должно, быть можетъ, даже обнаружить несостоятельность формальнаго направленія въ нашей наукѣ и совершенно, такъ сказать, вытѣснить послѣднее. И, если подобная тенденція не выступаетъ у приверженцевъ индуктивнаго направленія теперь такъ ярко, какъ прежде, то это можно сказать развѣ только о самомъ послѣднемъ времени ⁵¹⁰).

Въ ученіи объ индукціи, собственно, вся суть индуктивной логики. Мы хотимъ показать, что приверженцы индуктивнаго направленія преслѣдуютъ такіа-же общія основныя задачи, какія выставляютъ и представители логики формальной: разница лишь въ томъ, что формальная логика выполняетъ одну часть этихъ задачъ, индуктивная — другую, что формальная логика рассматриваетъ или, по крайней мѣрѣ, съ особымъ вниманіемъ рассматриваетъ одну часть того предмета, который, съ точки зрѣнія ея представителей, должна обсудить наука логики, индуктивная — другую. Формальная логика, какъ мы уже не разъ говорили, опредѣляетъ общія особенности нормальной мысли. Ученые и мыслители, которые становятся на почву этого направленія, задаются цѣлью рассмотреть разнаго рода формы, процессы мысли и показать, чѣмъ характеризуются такіе акты, такіа операціи ума, при которыхъ наша мысль

⁵⁰⁹) Ср. у самого Милля *ibid.* «Introduction» p. 1—8; *ibid.* book I p. 11—12; *ibid.* book I p. 29; *ibid.* book II p. 103; *ibid.* book III p. 185.

⁵¹⁰) У Бена, какъ мы видѣли, можно указать стремленіе сблизить индуктивную логику съ формальной.

остаётся нормальной,—въ отличіе отъ процессовъ, гдѣ мысль наша уклоняется отъ нормы. Посмотримъ, не задается-ли и индуктивная логика или—частнѣе—теорія индукціи такими-же цѣлями.

При индуктивномъ процессѣ мы на основаніи извѣстныхъ намъ частныхъ фактовъ устанавливаемъ такое или иное общее положеніе. Теорія индукціи и посвящена вопросу, какъ вести изслѣдованіе, чтобы подобные выводы были правильны, при какихъ условіяхъ заключеніе отъ частнаго къ общему правильно. Что всякій выводъ есть актъ мысли,—это едва-ли возможно оспаривать. Выводъ правильный представляетъ нормальную операцію, нормальный процессъ мысли, нормальную мысль,—въ отличіе отъ мысли ненормальной. Выходитъ такимъ образомъ, что, предлагая свое ученіе объ индукціи, представители интересующаго насъ направленія лишь указываютъ, когда мысль наша при извѣстныхъ ея проявленіяхъ остаётся нормальной, что здѣсь, какъ и во всякой логической теоріи, которая составлена въ духѣ направленія формальнаго, дѣло идетъ объ опредѣленіи особенностей нормальной мысли.

Но будемъ идти въ разсмотрѣніи этого ученія, такъ сказать, шагъ за шагомъ.

Вся теорія индукціи въ концѣ концовъ опирается на всеобщій принципъ причинности. Еслибы мы сказали, положимъ, что этотъ законъ нельзя считать истиннымъ и выбросили его совсѣмъ изъ нашего ученія объ индуктивномъ процессѣ, намъ пришлось-бы всю эту теорію признать несостоятельной. Не принять принципа причинности значитъ разрушить все ученіе объ индукціи и вернуться къ старой *inductio per enumerationem simplicem*, противъ которой такъ настойчиво ратуетъ уже Беконъ Веруламскій⁵¹¹⁾. Какъ того требуютъ представители индуктивной логики, мы должны при помощи различныхъ методическихъ приѣмовъ выдѣлить въ тѣхъ случаяхъ, которые намъ пришлось наблюдать, причину и дѣйствіе, и этого достаточно, чтобы установить такой или иной законъ

⁵¹¹⁾ Bacon «Oeuvres philosophiques», publ. par M. N. Bouillet. T. I — III. Paris 1834. T. II. «Novum organum» lb. I aph. CIII—CVIII (p. 61—64).

природы. Но, прилагая различные методы индуктивнаго изслѣдованія, мы, строго говоря, убѣждаемся не въ томъ, что существуетъ извѣстная причинная связь всегда и вездѣ, а лишь въ томъ, что такая связь имѣетъ мѣсто въ одномъ или нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ, — въ случаяхъ, съ которыми мы познакомились. На какомъ основаніи перейти отсюда къ утвержденію, что данная причинная зависимость существуетъ вездѣ и всегда, что, положимъ, явленіе *M* всегда и всюду имѣетъ причиной своей явленіе *N*? На какомъ основаніи, разсмотрѣвъ рядъ частныхъ случаевъ, установить общій законъ природы? Намъ и объявляютъ: право на это даетъ всеобщій принципъ причинности, который утверждаетъ единообразное устройство природы. Если, говоримъ мы, признать этотъ принципъ ложнымъ, если сказать, что единообразія въ природѣ вовсе нѣтъ, всю теорію индукціи пришлось-бы считать несостоятельной. Мы тогда не имѣли-бы права заключать отъ ограниченаго количества частныхъ случаевъ къ общимъ законамъ. Мы разсмотрѣли какой-либо отдѣльный случай или рядъ случаевъ. При помощи методическихъ приѣмовъ, которые рекомендуетъ теорія индукціи, мы выдѣлили въ этомъ случаѣ или этихъ случаяхъ причину и дѣйствіе, — причину *N* и дѣйствіе *M*. Если мы не увѣрены, что въ мірѣ царитъ единообразіе, мы не имѣемъ основанія отъ этого частнаго случая или этихъ частныхъ случаевъ перейти къ общему закону и утверждать, что всегда и вездѣ причина *N* вызываетъ дѣйствіе *M*. Чтобы получить такое общее положеніе, мы тогда должны были-бы разсмотрѣть всѣ случаи, гдѣ наступаетъ *N* и когда въ слѣдъ за тѣмъ появляется также и *M*. Для насъ осталась-бы возможной лишь *inductio per enumerationem simplicem*, противъ которой обыкновенно индуктивная логика такъ возстааетъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, будто тѣ ученые и мыслители, которые рекомендуютъ только *inductio per enumerationem simplicem*, не вѣрятъ въ единообразное устройство міра. Быть можетъ, представители формальной логики въ громадномъ большинствѣ случаевъ безусловно убѣждены въ истинности этого принципа и — мало того — понимаютъ его несравненно шире, чѣмъ приверженцы индуктивнаго направленія въ нашей наукѣ. Но

дѣло не въ этомъ. Аристотель, напримѣръ, признаетъ индукцію за силлогизмъ, неправильно составленный. Въ его глазахъ, совершеннымъ, логически законченнымъ оказывается индуктивный выводъ лишь тогда, когда мы перечислили всѣ предметы, на которые потомъ наше заключеніе распространяется. Если въ общемъ положеніи, которое мы устанавливаемъ, идетъ рѣчь объ *A, B, C, D, E, F*, мы и должны рассмотреть всѣ эти предметы; иначе нашъ выводъ, съ точки зрѣнія логики, будетъ шаткимъ ⁵¹²). Понятно, что такая индукція не основывается на принципѣ единообразнаго устройства міра. Быть можетъ, Аристотель признаетъ въ мірѣ единообразный порядокъ, но индукція у него на этотъ принципъ не опирается, такъ что, еслибы законъ единообразія, предположимъ, и опровергнуть, Аристотелевская теорія индукціи отъ этого не измѣнилась-бы ⁵¹³).

Мы хотимъ показать, что послѣдователи индуктивнаго направленія, подобно приверженцамъ направленія формальнаго, лишь опредѣляютъ особенности мысли нормальной, — въ отличіе отъ ненормальной. Принципъ причинности утверждаетъ извѣстное единообразіе въ мірѣ, единообразное устройство міра, единообразное теченіе явленій. А потому, нечего и говорить, этотъ законъ особенностей нормальной мысли не опредѣляетъ. Мы такимъ образомъ при разборѣ теоріи индукціи встрѣчаемъ на первомъ-же шагѣ обстоятельство, которое, повидимому, опровергаетъ наше предположеніе. Индуктивная логика, говоримъ мы, рассматриваетъ особенности нормальной мысли. Между тѣмъ принципъ причинности, — то общее положеніе, которое прежде всего должна выставить теорія индукціи и надъ формулировкой и доказываніемъ котораго ⁵¹⁴) такъ много тру-

⁵¹²) См. примѣч. 405-е.

⁵¹³) Припомнимъ, что Бень, кромѣ индукціи, которую обыкновенно рекомендуютъ намъ представители такъ называемаго эмпирическаго направленія въ философіи, признаетъ, на самомъ дѣлѣ, и *inductio per enumerationem simplicem*, — при доказываніи отношенія сосуществованія между явленіями (ср. примѣч. 448-е). А какъ смотритъ Милль на такой приемъ индуктивнаго изслѣдованія, — этого вопроса мы еще коснемся ниже.

⁵¹⁴) Ср. выше.

дятся представители нашего направленія, — общее положеніе, которое составляет основаніе всей теоріи, никакого утвержденія относительно особенностей мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, въ себѣ не заключаетъ. Но ограничимся пока тѣмъ, что мы констатировали это, такъ сказать, неблагоприятное обстоятельство ⁵¹⁵). Пойдемъ дальше, и дальнѣйшее разсмотрѣніе интересующаго насъ вопроса покажетъ намъ, какъ слѣдуетъ на это обстоятельство смотрѣть, — покажетъ намъ, что обстоятельство это не противорѣчитъ нашему общему взгляду на теорію индукціи.

Основываясь на законѣ причинности, представители индуктивной логики требуютъ, чтобы мы при всякаго рода опытныхъ изслѣдованіяхъ старались, по возможности, выдѣлить въ имѣющихся предъ нами частныхъ случаяхъ причину и дѣйствіе. Когда мы это сдѣлали, мы уже можемъ, ссылаясь на принципъ причинности, установить такой или иной законъ природы. И вотъ, теорія индукціи и имѣетъ цѣлью научить насъ выдѣлять въ частныхъ, наблюдаемыхъ нами случаяхъ причину и дѣйствіе. Въ этомъ вся суть разсматриваемой теоріи. Всѣ такъ называемые методы индуктивнаго изслѣдованія и должны намъ только въ этомъ помочь. Не будемъ пока говорить о тѣхъ или другихъ методическихъ приѣмахъ въ частности. Посмотримъ, въ чемъ вообще можетъ заключаться подобное, такъ сказать, выдѣленіе причины и дѣйствія.

Когда индуктивная логика предлагаетъ различные методы изслѣдованія, она имѣетъ въ виду не только указать способы, посредствомъ которыхъ вообще возможно было-бы производить такое выдѣленіе причины и дѣйствія въ разнаго рода частныхъ случаяхъ, наконецъ, не только облегчить намъ подобное выдѣленіе, но и гарантировать насъ при этомъ отъ ошибокъ, указать, именно, такіе способы, при которыхъ мы выдѣляемъ истинную причину и дѣйствіе. Мы только что сказали, что теорія индукціи, исходя изъ всеобщаго закона причинности, ставитъ себѣ задачей научить насъ выдѣлять въ частныхъ, пред-
⁵¹⁵) Замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что Бенъ, какъ мы въ томъ ниже увидимъ, считаетъ принципъ причинности за принципъ чисто логическій.

ставляющихся намъ случаяхъ причину и дѣйствіе. Слѣдовало-бы выразиться точнѣе. Скажемъ, что теорія эта стремится показать, какъ въ случаяхъ, съ которыми мы знакомимся, *правильно* выдѣлять причину и дѣйствіе.

Для того, чтобы выдѣлить причину и дѣйствіе въ различныхъ случаяхъ, мы прежде всего должны знать эти случаи, наблюдать ихъ. Какимъ-бы образомъ ни вели мы изслѣдованіе, прежде всего долженъ имѣть мѣсто процессъ наблюденія, — наблюденія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, включая сюда иногда, быть можетъ, и экспериментъ. А наблюдать данное явленіе или данную группу явленій значить познавать это явленіе или рядъ явленій при помощи внѣшнихъ чувствъ. Познаваніе-же посредствомъ внѣшнихъ чувствъ представляетъ первичный актъ сознанія⁵¹⁶). Итакъ, если мы въ извѣстныхъ частныхъ случаяхъ выдѣляемъ причину и дѣйствіе, это предполагаетъ прежде всего нѣкоторое познаваніе при помощи внѣшнихъ чувствъ, какой-то первичный актъ сознанія. Но наблюдать явленіе или рядъ явленій еще не значить выдѣлять здѣсь причину и дѣйствіе. Наблюденіе лишь даетъ намъ матерьялъ, въ которомъ мы должны причину и дѣйствіе выдѣлить. Наблюденіе составляетъ при индукціи процессъ, такъ сказать, второстепенный, а не самое выдѣленіе причины и дѣйствія. И это наше утвержденіе остается въ силѣ и тогда,

⁵¹⁶) Чувственное воспріятіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ соединяется съ цѣлымъ рядомъ выводовъ, которыхъ мы сами обыкновенно не сознаемъ и которые дѣлаемъ просто въ силу образовавшихся уже у насъ раньше ассоціацій между психическими элементами. Возьмемъ Миллевскій примѣръ. Я говорю, положимъ, что я слышу голосъ человѣка. Что я слышу, именно, голосъ и притомъ голосъ человѣка, — это не фактъ, познаваемый непосредственно чрезъ чувства, а выводъ. Наблюденіе, въ такомъ смыслѣ, конечно, представляетъ уже актъ болѣе сложный. Но для того, чтобы индуктивное обобщеніе не заключало въ себѣ случайныхъ, отъ самаго метода изслѣдованія не зависящихъ ошибокъ, желательно было-бы, по возможности, подобныхъ выводовъ избѣгать. Ученіе о методахъ при индукціи и предполагаетъ обыкновенно отсутствіе такихъ выводовъ (J. St. Mill «A system of logic ratiōative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book IV p. 420—424. Cp. Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 36—38). Уже въ виду этого мы всюду подъ наблюденіемъ разумѣемъ познаваніе при помощи внѣшнихъ чувствъ безъ выводовъ, которыми такое познаваніе часто сопровождается.

когда рѣчь идетъ объ экспериментѣ. Экспериментъ отъ наблюденія, въ тѣсномъ смыслѣ, отличается только тѣмъ, что при наблюденіи явленіе уже, если можно такъ выразиться, готово предъ нами, уже дано намъ, тогда какъ при экспериментѣ мы его должны еще вызвать сами. Но, и производя экспериментъ, мы лишь познаемъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ то явленіе или тѣ явленія, которыя въ концѣ концовъ предъ нами наступаютъ, а причины и дѣйствія здѣсь еще не выдѣляемъ. Экспериментъ доставляетъ матерьялъ, гдѣ причину и дѣйствіе приходится выдѣлить. Въ чемъ-же заключается самое это выдѣленіе? Мы должны сравнить различныя части имѣющагося предъ нами матерьяла, разныя явленія, которыя мы наблюдали, и различныя стороны этихъ явленій и, если мы находимъ здѣсь тѣ сходства и различія, искать которыя предписываютъ намъ «правила» методовъ индуктивнаго изслѣдованія,—правила, основанныя на понятіи нашемъ о причинѣ и дѣйствіи и всеобщемъ законѣ причинности,—если находимъ такія сходства и различія, то и объявляемъ, что, положимъ, *N* было у насъ причиною *M*. И нужно сказать, что отыскивать сходства и различія, именно, такъ, какъ того требуютъ предписанія логики индуктивнаго направленія, значить, опять таки сравнивать,—сравнивать сходства и различія, которыя въ данномъ случаѣ обнаружилились, съ тѣми сходствами и различіями, которыя описаны въ правилахъ для методовъ при индукціи,—сравнивать, иначе выражаясь, тѣ отношенія между явленіями, которыя при нашихъ наблюденіяхъ выяснились, такъ сказать, съ представленными въ упомянутыхъ правилахъ типами отношеній между явленіями или группами явленій. Такимъ образомъ выдѣленіе причины и дѣйствія предполагаетъ нѣкоторый рядъ актовъ сравниванія. А сравниваніе представляетъ процессъ психическій. Что это такъ, что актъ сравниванія, дѣйствительно, — процессъ психическій, — въ этомъ едва-ли возможно усумниться. Возьмемъ примѣръ, по возможности, такъ сказать, рѣзкій. Мы, положимъ, сравниваемъ длину комнаты съ величиной лежащей передъ нами линейки. Мы посмотрѣли на линейку и окинули взоромъ комнату, но къ достаточно опредѣленному мнѣнію при этомъ не

пришли. Беремъ линейку и просто измѣряемъ комнату. И здѣсь мы имѣемъ ничто иное, какъ рядъ психическихъ актовъ. По крайней мѣрѣ, самое сравниваніе исчерпывается психическими процессами. Когда мы, посмотрѣвъ только на линейку и окинувъ взоромъ комнату, пытались сравнить длину линейки съ длиною комнаты, у насъ уже образовалась извѣстная идея объ отношеніи этихъ величинъ, но идея смутная. Мы такимъ знаніемъ не довольствуемся. До сихъ поръ у насъ имѣли мѣсто лишь психическіе процессы. Мы увидѣли линейку, т. е. познали ее при помощи чувства зрѣнія. Отъ нашихъ зрительныхъ ощущеній мы такимъ или инымъ психологическимъ путемъ перешли къ представленію о величинѣ линейки. Подобнымъ-же образомъ возникло у насъ представленіе о величинѣ комнаты и — частнѣе — о длинѣ ея, и *наше представленіе о длинѣ линейки мы попытались сравнить съ нашимъ представленіемъ о длинѣ комнаты*. Все это ничто иное, какъ процессы психическіе. Но идея отношенія между величинами оказалась смутной. Мы начинаемъ измѣрять комнату. Прикладываемъ линейку къ стѣнѣ. Воспринимаемъ ту часть стѣны, къ которой приложена линейка, *наше представленіе* объ этой части или — точнѣе — о длинѣ этой части *сравниваемъ съ представленіемъ о длинѣ линейки и признаемъ между этими величинами равенство, передвигаемъ линейку дальше и т. д. до конца*. Благодаря этому, у насъ постепенно образуется болѣе точное представленіе о длинѣ комнаты, болѣе точная и опредѣленная идея объ отношеніи между длиною всей комнаты и длиною линейки. Такимъ образомъ сравниваніе даже въ этомъ, какъ мы выразились, рѣзкомъ примѣрѣ сводится къ нѣкоторому ряду психическихъ процессовъ, а всякія наши дѣйствія иного характера (прикладываніе линейки и пр.) имѣютъ лишь тотъ смыслъ, что измѣненныя внѣшнія условія вызываютъ у насъ новые познавательные акты. Повторяемъ, то сравниваніе явленій, которое должно имѣть мѣсто, чтобы мы могли выдѣлить въ наблюдаемыхъ при индукціи частныхъ случаяхъ причину и дѣйствіе, представляетъ рядъ психическихъ процессовъ. Далѣе. Каждое изъ правилъ для методовъ при индукціи сводится къ слѣдующей формулѣ: когда есть на лицо сходства *P*

и различія Q , M имѣетъ своей причиной N . Сравненіе дало намъ, положимъ, возможность убѣдиться, что въ разсматриваемомъ нами случаѣ P и Q имѣютъ мѣсто. И мы «выдѣляемъ» M и N , признаемъ, что N у насъ было причиною M , — т. е. просто дѣлаемъ дедуктивный выводъ, которому и можно было-бы придать такую форму:

Если есть P и Q , то N есть причина M .

Въ данномъ случаѣ есть P и Q .

Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ M имѣетъ причиной своей явленіе N .

Этотъ послѣдній процессъ, — наше дедуктивное умозаключеніе, — уже, несомнѣнно, процессъ психическій, и операція выдѣленія причины и дѣйствія исчерпывается, видимъ мы, актами психическими. Между тѣмъ правила для подобнаго выдѣленія составляютъ суть теоріи индукціи. Выходитъ такимъ образомъ, что теорія эта трактуетъ о какихъ-то психическихъ процессахъ. Но, какъ мы уже говорили, индуктивная логика разсматриваетъ не вопросъ о томъ, какъ вообще — правильно или неправильно — можно выдѣлить причину и дѣйствіе въ имѣющихся предъ нами частныхъ случаяхъ, а вопросъ о томъ, какъ выдѣлять причину и дѣйствіе правильно. Теорія индукціи посвящена разсмотрѣнію принадлежащихъ къ извѣстному разряду психическихъ актовъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, правильныхъ, нормальныхъ. Эта теорія говоритъ намъ, что мы должны идти такъ, а не иначе въ нашемъ изслѣдованіи, тогда мы, дѣйствительно, выдѣлимъ причину и дѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, которые наблюдаемъ. Такими-то особенностями должно характеризоваться наше изслѣдованіе, такими-то особенностями должны отличаться психическіе процессы, и мы произведемъ это выдѣленіе правильно. Суть теоріи индукціи заключается въ томъ, что здѣсь намъ указываютъ особенности *нормальныхъ* психическихъ процессовъ извѣстнаго порядка, — въ отличіе отъ относящихся къ той-же группѣ процессовъ ненормальныхъ. Остается сдѣлать еще одинъ шагъ, и мы основную задачу теоріи индукціи опредѣлимъ такъ-же, какъ формулировали задачи логики формальной. «Сознаніе», «разсудокъ», «разумъ», «разсужденіе», «размышленіе», «позна-

вательный акт», «психическій акт вообще», — все это термины, выражающіе разнаго рода оттѣнки. Время закрѣпило своеобразный оттѣнокъ значенія и за терминомъ «мысль». Въ громадномъ большинствѣ случаевъ намъ приходится встрѣчать это слово, когда дѣло идетъ о вопросахъ логики и вопросы эти рѣшаются въ духѣ направленія формальнаго или — въ философскихъ разсужденіяхъ съ инымъ содержаніемъ, но весьма отвлеченныхъ. И вотъ, быть можетъ, въ силу подобныхъ условій съ терминомъ «мысль» и соединилось такое значеніе, что мы подъ словомъ этимъ разумѣемъ непремѣнно мысль, оперирующую, если не надъ понятіями, въ смыслѣ ученія представителей науки логики, то, по крайней мѣрѣ, вообще надъ идеями болѣе или менѣе общими, болѣе или менѣе отвлеченными. Если не обращать вниманія на эту случайно составившуюся у насъ ассоціацію и подъ словомъ «мысль» понимать всякаго рода процессы, направленные къ познанию, то и выйдетъ, что основная задача теоріи индукціи, — теоріи, на которой сосредоточивается весь интересъ индуктивной логики, состоитъ въ томъ, чтобы указать особенности нормальныхъ процессовъ мысли (принадлежащихъ къ извѣстному порядку), — въ отличіе отъ процессовъ ненормальныхъ. Итакъ, теорія индукціи или, по крайней мѣрѣ, существенная часть таковой (за исключеніемъ ученія о причинности), подобно логикѣ формальнаго направленія, опредѣляетъ особенности мысли нормальной, — въ отличіе отъ ненормальной.

Остановимся теперь на каждомъ изъ рекомендуемыхъ Джономъ Стюартомъ Миллемъ методовъ индуктивнаго изслѣдованія отдѣльно. Возьмемъ методъ совпаденія. Придерживаясь этого метода, мы должны разсмотрѣть два или нѣсколько случаевъ, гдѣ изслѣдуемое явленіе *A* наступаетъ. Если такіе случаи сходны между собой только въ одномъ обстоятельствѣ, а во всемъ прочемъ различны, то данное обстоятельство и есть причина или дѣйствіе изслѣдуемаго явленія *A*. Правило это Милль доказываетъ, основываясь на своемъ ученіи о причинности вообще⁵¹⁷⁾. Что мы такимъ образомъ должны сдѣ-

⁵¹⁷⁾ J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book III p. 253—255. Cp. ibid. book III p. 267—285.

лать, если хотимъ приложить методъ совпаденія? Мы должны наблюдать рядъ явленій, т. е. познать извѣстные явленія при помощи внѣшнихъ чувствъ. Мы должны сравнить различные случаи присутствія изслѣдуемаго явленія одинъ съ другимъ. Мы должны посмотрѣть, получилось-ли при сравненіи въ результатъ то, что, согласно съ правиломъ нашего метода, должно было получиться, — это мы опять, какъ сказано, определяемъ лишь чрезъ сравненіе, — и тогда мы дѣлаемъ выводъ и объявляемъ, что въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ, положимъ, *B* было причиною *A*. Наконецъ, установивъ по отношенію къ извѣстнымъ частнымъ случаямъ, что *A* здѣсь имѣло причиною своей *B*, мы это положеніе обобщаемъ и дѣлаемъ еще одно дедуктивное умозаключеніе, которое можно было-бы свести къ слѣдующей формулѣ:

То, что одинъ разъ было причиною и дѣйствіемъ, остается причиною и дѣйствіемъ всегда и вездѣ.

B и *A* въ разобранномъ случаѣ оказываются причиною и дѣйствіемъ.

Ergo, *B* всегда и вездѣ связано съ *A* причинною связью. Такимъ образомъ индуктивное изслѣдованіе, когда мы его ведемъ по методу совпаденія, сводится къ нѣкоторому ряду психическихъ актовъ, актовъ мысли, — если этотъ послѣдній терминъ понимать въ его наиболѣе широкомъ значеніи. Трактовать о методѣ совпаденія и значить лишь говорить объ извѣстныхъ процессахъ мысли. Но, рекомендуя этотъ методъ, индуктивная логика описываетъ такой путь, при которомъ изслѣдованіе протекаетъ *правильно, нормально*⁵¹⁸), и Милль такимъ образомъ, разсматривая въ относящихся сюда разсужденіяхъ различные акты мысли, указываетъ, на самомъ дѣлѣ, при этомъ, именно, особенности процессовъ нормальныхъ, — въ отличіе отъ ненормальныхъ; говоря объ этомъ приѣмѣ, представители интересующаго насъ направленія разсуждаютъ лишь объ особенностяхъ нормальной мысли.

⁵¹⁸) Мы не хотимъ сказать, будто методъ этотъ *всегда* приводитъ къ результатамъ цѣннымъ. Но такова, конечно, цѣль этого метода.

То-же слѣдуетъ сказать и относительно такъ называемаго метода разницы⁵¹⁹). Мы должны наблюдать два случая. Если въ одномъ изъ нихъ изслѣдуемое явленіе присутствуетъ, а въ другомъ—нѣтъ и два эти случая сходны во всемъ, кромѣ одного обстоятельства, которое является тамъ, гдѣ и изслѣдуемое явленіе наступаетъ, то обстоятельство это представляетъ дѣйствіе или причину, или, наконецъ, необходимую часть причины изслѣдуемаго явленія. Какъ мы говорили, теорія индукціи опирается на всеобщій принципъ причинности. Правило метода разницы такъ-же, какъ и правила прочихъ методовъ, Милль и старается вывести изъ своего ученія о причинности. Нетрудно видѣть, что и въ правилѣ этого метода рѣчь идетъ объ извѣстныхъ психическихъ актахъ, актахъ мысли. Наблюденіе и сравненіе разныхъ случаевъ, разныхъ явленій или группъ явленій, это—процессы психологическіе. Когда мы смотримъ, получили-ли мы при сравненіи тѣ результаты, которые описываютъ намъ представители индуктивной логики, рекомендуя методъ разницы, когда мы смотримъ, дѣйствительно-ли два имѣющихся предъ нами случая сходны во всемъ прочемъ, а только въ одномъ изъ нихъ присутствуетъ изслѣдуемое явленіе *A* и еще одно явленіе *B*, а въ другомъ ни *A*, ни *B* нѣтъ,—это также психическій актъ. Наконецъ, мы должны сдѣлать еще выводы—признать *B* и *A* за причину и дѣйствіе и установить тогда общій законъ природы. Говорить объ изслѣдованіи по методу разницы и значить говорить о психическихъ процессахъ, объ актахъ мысли. Разсуждать о *правильномъ* выдѣленіи причины и дѣйствія въ разныхъ частныхъ случаяхъ при помощи этого метода значить говорить о *правильныхъ*, *нормальныхъ* психическихъ процессахъ, *нормальныхъ* процессахъ мысли, объ особенностяхъ процессовъ *нормальной* мысли,—въ отличіе отъ мысли *ненормальной*.

Можно, полагаетъ Джонъ Стюартъ Милль, соединить методы совпаденія и разницы. Наблюдаемъ двѣ группы случаевъ. Если въ каждомъ изъ случаевъ первой группы присутствуетъ изслѣдуемое явленіе *A* и еще одно обстоятельство

⁵¹⁹) Ibid. book III p. 255—256. Cp. ibid. book III p. 267—285.

В и во всемъ прочемъ эти случаи между собою несходны, а съ другой стороны, ни одинъ случай второй группы не заключаетъ въ себѣ ни *А*, ни *В* и случаи эти также во всѣхъ отношеніяхъ несходны, то обстоятельство *В* есть дѣйствіе или причина, или необходимая часть причины явленія *А* ⁵²⁰). Понятно, что и тогда, когда мы пользуемся этимъ сложнымъ методомъ, дѣло идетъ лишь о правильныхъ психическихъ процессахъ, о нормальной мысли. Число случаевъ, нами разсматриваемыхъ, здѣсь увеличивается; все-же мы за предѣлы психическихъ процессовъ, актовъ мысли тутъ не выходимъ.

Перейдемъ къ методу остатковъ ⁵²¹). Методъ этотъ предполагаетъ, что мы рядъ индуктивныхъ обобщеній уже сдѣлали. Мы наблюдаемъ извѣстное явленіе или — точнѣе — совокупность явленій *ABCDEF* и факты, которые этой группѣ явленій предшествуютъ *KLMNOP*. Вычитаемъ изъ имѣющейся предъ нами группы *ABCDEF* все, что на основаніи прежнихъ индуктивныхъ выводовъ можно признать за слѣдствіе тѣхъ или другихъ фактовъ, которые, какъ мы въ томъ убѣдились, нашей группѣ явленій (т. е., явленіямъ *ABCDEF*) предшествовали, а изъ совокупности этихъ послѣднихъ явленій (*KLMNOP*) тѣ, которыя мы такимъ образомъ признали за причину или рядъ причинъ. Остальная часть нашей группы явленій и представляетъ слѣдствіе по отношенію къ остальнымъ, предшествовавшимъ данной группѣ фактамъ. Разсуждая объ этомъ методѣ, теорія индукціи также трактуетъ о разнаго рода психическихъ актахъ, процессахъ мысли. Наблюденіе, какъ мы уже не разъ говорили, есть актъ познавательный. Послѣ наблюденія мы должны нѣкоторыя явленія вычесть изъ того, что наблюдали. Такой вычетъ мы дѣлаемъ, ссылаясь на прежнія индуктивныя обобщенія и прилагая къ нашимъ частнымъ случаямъ общія положенія, которыя мы прежде установили. Такимъ образомъ мы это производимъ, строя каждый разъ дедуктивное умозаключеніе, которое, конечно, всегда признаютъ за извѣстнаго рода актъ мысли. Да и самое вы-

⁵²⁰) Ibid. book III p. 256—258. Cp. ibid. book III p. 267—285.

⁵²¹) Ibid. book III p. 259—260. Cp. ibid. book III p. 267—285.

читываніе — также ничто иное, какъ нѣкоторая операція мысли. Вѣдь, вычетъ мы производимъ въ мысли нашей. Наконецъ, послѣ подобнаго вычета мы заключаемъ, что, положимъ, *K* было причиной явленія *A* и что явленія эти связаны одно съ другимъ постоянной, неразрывною связью. Повторяемъ, и правило метода остатковъ имѣетъ въ виду указать для извѣстнаго ряда случаевъ особенности нормальныхъ процессовъ мысли, нормальной мысли, — въ отличіе отъ ненормальной.

Остается такъ называемый методъ сопутствующихъ измѣненій. Наблюдаемъ рядъ случаевъ, гдѣ изслѣдуемое явленіе *A* измѣняется. Сравниваемъ эти случаи одинъ съ другимъ. Если оказывается, что каждый разъ, когда измѣняется *A*, измѣняется и другое явленіе *B*, то это послѣднее явленіе (*B*) представляетъ или дѣйствіе, или причину явленія *A* или, по крайней мѣрѣ, соединено съ нимъ вообще какой-либо причинною связью⁵²²). Здѣсь дѣло опять идетъ о наблюденіи явленій и сравненіи ихъ между собой: послѣ такого наблюденія и сравненія мы должны посмотрѣть, соотвѣтствуютъ-ли результаты, которые дало сравненіе извѣстнымъ требованіямъ или нѣтъ, т. е. приняться еще за сравненіе и, наконецъ, — построить соотвѣтствующія умозаключенія.

Мы видимъ, что все ученіе о методахъ индуктивнаго изслѣдованія трактуетъ у Джона Стюарта Милля лишь о психическихъ процессахъ, процессахъ мысли и, именно, о нормальныхъ актахъ мысли, о тѣхъ особенностяхъ, которыми должны характеризоваться процессы мысли нашей, чтобы она была нормальной, объ особенностяхъ нормальной мысли, — если подъ словомъ «мысль» разумѣть всякаго рода познавательные акты, а не непременно операціи, такъ сказать, высшаго порядка, когда мы уже имѣемъ дѣло съ понятіями и отвлеченными идеями. Бенъ, вообще говоря, сходится съ Миллемъ въ ученіи о методахъ при индукціи⁵²³). Что же касается предшественниковъ Джона Стюарта Милля, то, если у нихъ правила опытнаго изслѣдованія и формулированы

⁵²²) Ibid. book III p. 260—266. Ср. ibid. book III p. 267—285.

⁵²³) Ср. выше.

нѣсколько иначе, чѣмъ у послѣдняго, все-же основная идея и цѣль пріемовъ, которые они рекомендуютъ, тѣ-же, что и у Милля; только теорія индукціи не достигла тутъ еще такого развитія, какъ у этого представителя интересующаго насъ направленія ⁵²⁴); и, во всякомъ случаѣ, разница между ученіемъ Милля о методахъ при индукціи и ученіемъ объ этихъ пріемахъ у его предшественниковъ не такова, чтобы могло оказаться, будто у Джона Стюарта Милля дѣло идетъ объ особенностяхъ нормальной мысли, а у его предшественниковъ не о мысли нормальной, а о чемъ-то иномъ.

Однако наше опредѣленіе все-же звучитъ какъ-то странно. Повидимому, странно утверждать, будто теорія индукціи трактуетъ только объ особенностяхъ мысли нормальной, — въ отличіе отъ ненормальной. Эта кажущаяся несостоятельность подобнаго опредѣленія основныхъ задачъ индуктивной логики прежде всего объясняется тѣмъ, что, какъ мы уже говорили, мы при этомъ употребляемъ слово «мысль» въ нѣсколько непривычномъ значеніи. Далѣе, странно на первый взглядъ слѣдующее обстоятельство. Возможно-ли признать, что индуктивная логика разсматриваетъ лишь особенности нормальной мысли, когда теорія индукціи трактуетъ о томъ, какъ подыскивать факты для наблюденій и какъ въ случаѣ необходимости даже совершать экспериментъ ⁵²⁵)? Мы уже говорили о наблюденіи, въ тѣсномъ смыслѣ, и объ экспериментѣ. Предлагая различные методическіе пріемы, теорія индукціи, какъ сказано, стремится указать путь, идя по которому мы могли-бы въ имѣющихся предъ нами частныхъ случаяхъ правильно выдѣлять причину и дѣйствіе. Къ этому сводятся всѣ предписанія, которыя даетъ намъ индуктивная логика. Такимъ образомъ мы, правда, должны имѣть предъ собой извѣстные факты, извѣстный матерьялъ, чтобы здѣсь причину и дѣйствіе выдѣлить. Но суть индуктивнаго процесса заключается все-же не въ собираніи этого матерьяла, а въ самомъ выдѣленіи причины и дѣйствія, послѣ чего мы тотчасъ-же и устанавливаемъ такой или иной

⁵²⁴) Ср. выше.

⁵²⁵) Ср. *ibid.* book III p. 247—253.

всеобщій законъ природы. Если индуктивная логика говоритъ между прочимъ о томъ, какъ подыскивать и какъ вызывать явленія, гдѣ мы причину и дѣйствіе послѣ могли-бы выдѣлить, то дѣло тутъ идетъ не объ актѣ, который представлялъ-бы при индукціи нѣчто существенное и которымъ индуктивный процессъ, на самомъ дѣлѣ, исчерпывался-бы, а лишь о чемъ-то второстепенномъ. Какова-бы ни была природа этихъ нашихъ дѣйствій второстепенныхъ, — подыскиванія и искусственного вызыванія различныхъ явленій, основной индуктивный процессъ отсюда не измѣняется. Мы пришли къ заключенію, что выдѣленіе причины и дѣйствія сводится къ извѣстнымъ психическимъ процессамъ. И теорія индукціи, — теорія, которая учитъ насъ, когда, при какихъ условіяхъ, при какихъ особенностяхъ такое выдѣленіе правильно, нормально, — теорія эта разсматриваетъ только особенности мысли правильной, нормальной. Положимъ, мы сказали-бы, что отыскивать случаи, гдѣ намъ приходится выдѣлить причину и дѣйствіе, добывать матерьялъ не значитъ познавать, мыслить, что добываніе этого матерьяла заключается не въ познавательныхъ процессахъ или, по крайней мѣрѣ, не въ познавательныхъ процессахъ только, а еще и въ чемъ-то иномъ, — еслибы мы пришли къ такому заключенію, мы еще не должны были-бы утверждать, будто и самое выдѣленіе причины и дѣйствія состоитъ не въ операціяхъ мысли, а въ чемъ-то иномъ, такъ что теорія, которая трактуетъ о приѣмахъ, посредствомъ которыхъ возможно въ разныхъ случаяхъ правильно выдѣлить причину и дѣйствіе, разсматриваетъ не особенности нормальной мысли, а нѣчто иное. Возьмемъ аналогичный случай. Нельзя не признать теорію силлогизма за теорію логическую въ томъ значеніи, какое получаетъ это слово, если опредѣлить истинныя основныя задачи логики формальнаго направленія. Разсуждая о силлогистическомъ умозаключеніи, о томъ, какіе силлогизмы правильны, представители формальнаго направленія говорятъ объ особенностяхъ нормальной мысли. Но силлогизмъ состоитъ изъ посылокъ. Нужно напередъ удостовѣриться въ истинности тѣхъ положеній, которыя въ нашемъ умозаключеніи будутъ играть роль посылокъ: только тогда возможно составить силлогизмъ, гдѣ мы прійдемъ

къ заключенію, дѣйствительно, согласному съ истиной. Пусть, тотъ или другой представитель формальнаго направленія сталь-бы въ логикѣ разсуждать, какъ убѣдиться въ истинности положеній, которыя въ силлогизмѣ являются посылками, и какъ подбирать подобныя положенія для нашихъ силлогистическихъ умозаключеній. Предположимъ далѣе, что всѣ эти разсужденія мы признали-бы за разсужденія не логическія, не за разсужденія объ особенностяхъ нормальной мысли, а за нѣчто иное. Развѣ мы въ силу этого должны были-бы измѣнить и нашъ взглядъ на самую теорію силлогизма? Развѣ мы въ силу этого должны были-бы сказать, что и теорія силлогизма вовсе не—теорія логическая, что и эта теорія трактуетъ не объ особенностяхъ нормальной мысли, а о чемъ-то иномъ? Такимъ-же образомъ и ученіе объ индукціи остается теоріей логической, теоріей, которая лишь опредѣляетъ особенности нормальной мысли,—все равно, о чемъ-бы ни трактовала индуктивная логика, когда здѣсь говорятъ, какъ подбирать частные случаи, которые необходимо разсмотрѣть, чтобы сдѣлать индуктивный выводъ,—все равно, идетъ-ли тутъ рѣчь о познавательныхъ процессахъ, объ актахъ мысли и, именно, объ особенностяхъ мысли нормальной или при этомъ разсуждаютъ о чемъ-то иномъ. Да и въ чемъ-бы—частіе—ни заключался самый процессъ добыванія матерьяла, который необходимъ для индуктивнаго вывода—едва-ли возможно думать, что, если логика разсуждаетъ, положимъ, объ экспериментѣ, дѣло здѣсь идетъ, дѣйствительно, уже не объ особенностяхъ нормальной мысли, а о чемъ-то иномъ. Пусть, мы производимъ химическій опытъ. Кромѣ разнаго рода процессовъ мысли, у насъ при этомъ имѣютъ мѣсто и операціи иного рода. Мы беремъ, напримѣръ, различныя вещества, смѣшиваемъ ихъ, нагрѣваемъ и пр. Но въ предписаніяхъ логики и нѣтъ вовсе рѣчи о подобныхъ дѣйствіяхъ нашихъ. Намъ здѣсь только совѣтуютъ заботиться о томъ, чтобы мы не упустили изъ виду разнаго рода сопровождающихъ изслѣдуемое явленіе обстоятельствъ, чтобы мы не смѣшивали то, что даетъ намъ, дѣйствительно, самое наблюденіе, съ тѣмъ, что уже представляетъ выводъ или рядъ выводовъ⁵²⁶). Намъ говорятъ,

⁵²⁶) Ср. примѣч. 516-е.

что важно вызвать, именно, такую, а не иную группу явлений, т. е. что мы должны правильно, такъ сказать, выбрать экспериментъ, правильно *обсудить*, какой, именно, экспериментъ произвести, что при подобномъ обсужденіи мы должны руководствоваться тѣмъ-то и тѣмъ-то и т. д.

Итакъ, теорія индукціи и, именно, существенная часть этой теоріи, — часть, посвященная вопросу о методахъ, при помощи которыхъ мы въ имѣющемъ предъ нами матеріалѣ выдѣляемъ причину и дѣйствіе, — разсматриваетъ такъ-же, какъ и логика формальная вообще, особенности мысли нормальной, — въ отличіе отъ ненормальной.

Но, какъ мы уже говорили, ученіе о методахъ опытнаго изслѣдованія теряетъ свой смыслъ, если отрицать всеобщій законъ причинности. Мы тогда не могли-бы на основаніи разсмотрѣнныхъ частныхъ случаевъ дѣлать общіе выводы. Мало того. Мы видѣли, что и самыя правила для методовъ при индукціи опираются на ученіе о причинности. Центръ тяжести падаетъ въ теоріи индукціи на это ученіе. Между тѣмъ законъ причинности — не принципъ логическій, въ томъ смыслѣ, какой слѣдуетъ придать этому термину, если мы станемъ на точку зрѣнія формальнаго направленія въ нашей наукѣ. Утверждая единообразное устройство вселенной, развивая теорію причинности, мы ничего не говоримъ объ особенностяхъ нормальной мысли, а разсуждаемъ о чемъ-то иномъ. Въ виду этого, казалось-бы, невозможно предположить, что теорія индукціи, дѣйствительно, опредѣляетъ особенности нормальной мысли. Однако это — затрудненіе, только кажущееся. Теорія индукціи посвящена разсмотрѣнію методовъ индуктивнаго изслѣдованія, а не ученію о причинности. Задача этой теоріи — выработать методическіе приемы, а не рѣшить вопросъ о причинности. Принципъ причинности оказывается не непосредственно предметомъ разсмотрѣнія этой теоріи, а только чѣмъ-то такимъ, на что эта теорія постоянно ссылается, что служитъ доказательствомъ ея истинности. А потому, если мы, разсуждая о причинности, и говоримъ о чемъ-то иномъ, а не объ особенностяхъ нормальной мысли, теорія индукціи, которая вовсе не посвящена ученію о причинности, а только изъ этого

ученія доказывається, все-же можетъ имѣть предметомъ своего разсмотрѣнія особенности нормальной мысли. Возьмемъ опять въ примѣръ теорію силлогизма. Всякое силлогистическое умозаключение, говорятъ намъ часто представители формальнаго направленія въ логикѣ⁵²⁷⁾, основывается въ концѣ концовъ на такъ называемомъ *dictum de omni et nullo*. Еслибы, формулировавъ такъ или иначе *dictum*, мы признали потомъ это положеніе несостоятельнымъ, мы должны были-бы считать и всякое силлогистическое заключеніе невѣрнымъ. Силлогизмъ теряетъ свою цѣну, если мы отбросимъ *dictum de omni et nullo*, и правила, сюда относящіяся, можно (такъ часто хотятъ поставить дѣло) доказывать только изъ общаго положенія, которое носитъ названіе *dictum*. И вотъ, иногда представители науки логики формулируютъ далѣе *dictum* или—чтобы не придавать этому термину слишкомъ общаго значенія, скажемъ лучше—положеніе, которымъ замѣняютъ они *dictum de omni et nullo*, слѣдующимъ образомъ: «*Nota notae est nota rei ipsius; repugnans notae repugnat rei ipsi*»⁵²⁸⁾, и: «*Quod cohaeret cum aliquo, cohaerens est etiam cum eo, cum quo illud necessario cohaeret; quod cohaeret cum aliquo, incohaerens cum eo est. cum quo illud est incohaerens*»⁵²⁹⁾. Очевидно, въ подобныхъ положеніяхъ дѣло идетъ не объ особенностяхъ нормальной мысли, а о чемъ-то иномъ⁵³⁰⁾. Между тѣмъ никто не сталъ-бы утверждать, будто теорія силлогизма у тѣхъ

⁵²⁷⁾ Вопросъ о *dictum de omni et nullo* — вопросъ довольно сложный. Разсмотрѣніе его повело-бы насъ слишкомъ далеко и заставило-бы нарушить планъ нашего изложенія. А потому мы не обсуждаемъ, какія безотносительныя достоинства принадлежать тому или другому ученію о *dictum*. Мы только беремъ примѣръ изъ исторіи логики, указываемъ на одинъ логическій взглядъ, а правилень-ли этотъ взглядъ или нѣтъ,—объ этомъ не говоримъ ничего.

⁵²⁸⁾ C. Fr. Bachmann «System der Logik». Leipz. 1828 p. 188. Cp. Imm. Kant «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 5-er Bd. (Hefte 28—33) «Kleinere Schriften zur Logik und Metaphysik». Berl. 1870. «Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren erwiesen» p. 5—6.

⁵²⁹⁾ Petri Gassendi «Opera omnia». T. I. Pars I. «Logica». Lugduni p. 109.

⁵³⁰⁾ Выраженіе: «*Nota notae est nota rei ipsius*», слѣдуетъ перевести такъ: признакъ (или свойство), принадлежащій признаку (или свойству) какой-либо вещи, принадлежитъ и самой вещи этой.

представителей нашей науки, которые предлагают подобную формулировку для dictum, оказывается уже не учением логическимъ, составленнымъ въ духѣ формальнаго направленія, а чѣмъ-то инымъ, будто теорія силлогизма здѣсь уже посвящена не опредѣленію особенностей нормальной мысли. Теорія силлогизма у такихъ ученыхъ и мыслителей трактуетъ все-же объ особенностяхъ нормальной мысли, несмотря на то, что основное положеніе, на которое вся эта теорія опирается, ничего ни о какихъ особенностяхъ мысли не утверждаетъ. Нѣчто подобное можно сказать и относительно теоріи индукціи. Каждый индуктивный выводъ основывается на принципѣ причинности, и ученіе о методическихъ приѣмахъ при индуктивномъ изслѣдованіи можно доказать, только исходя изъ понятія о причинѣ и дѣйствиіи вообще. Теорія индукціи опирается на ученіе о причинности. Между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ идетъ рѣчь не объ особенностяхъ мысли нормальной, а о чѣмъ-то иномъ. Тѣмъ не менѣе теорія индукціи посвящена разсмотрѣнію особенностей нормальной мысли.

Говоря объ индуктивной логикѣ и—частнѣе—о теоріи названій и предложеній и теоріи индукціи, мы всюду принимаемъ какъ-бы за типъ сочиненій этого направленія «Систему логики» Джона Стюарта Милля и «Логику» Бена⁵³¹⁾. Но Милль прибавляетъ къ своему ученію объ индуктивномъ изслѣдованіи цѣлую книгу, которая посвящена разсмотрѣнію процессовъ, вспомогательныхъ⁵³²⁾ при индукціи. (У Бена мы особаго отдѣла съ такимъ содержаніемъ не находимъ). Прежде всего говоритъ онъ здѣсь о наблюденіи и описаніи (of Observation and Description)⁵³³⁾ и обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что наблюденіе часто сопровождается разнаго рода выводами, которые мы дѣлаемъ, сами того не замѣчая⁵³⁴⁾. Я утверждаю, напримѣръ: «Я слышу голосъ

⁵³¹⁾ Дѣлаемъ мы это потому, что индуктивная логика, какъ выше сказано, только у Джона Стюарта Милля обращается въ стройное цѣлое, а Бенъ является позднѣйшимъ выдающимся представителемъ этого направленія.

⁵³²⁾ J. St. Mill «A system of logic ratiōative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book IV p. 419—479.

⁵³³⁾ Ibid. book IV p. 419—424.

⁵³⁴⁾ Въ примѣч. 516-омъ мы уже указали на это ученіе Джона Стюарта Милля.

человѣка». Что я слышу *голосъ* и притомъ *голосъ человѣка*,—это выводы, которые я незамѣтно для себя самого дѣлаю, испытывая звуковое ощущеніе. Описаніе предметовъ, которые мы наблюдаемъ, обыкновенно и заключаетъ въ себѣ не только то, что мы, дѣйствительно, имѣли возможность наблюдать, но и то, что мы утверждаемъ, благодаря подобнымъ выводамъ. Особыхъ правилъ, которыя указывали-бы намъ, какъ вести наблюденія, логика, по мнѣнію Джона Стюарта Милля, дать не можетъ, ибо наблюденіе, въ тѣсномъ смыслѣ,—наблюденіе, безъ выводовъ, которыми оно часто сопровождается, представляетъ лишь первичный актъ или рядъ первичныхъ актовъ сознанія. Далѣе идетъ у Милля рѣчь объ отвлеченіи или образованіи общихъ идей (*conceptions*)⁵³⁵, и нашъ авторъ трактуетъ о томъ, какъ психологически складываются отвлеченныя и общія идеи и насколько онѣ помогаютъ намъ при индуктивныхъ выводахъ. Разсужденія Джона Стюарта Милля объ образованіи идей относятся такимъ образомъ къ области психологій, хотя здѣсь и обсуждаются, быть можетъ, вопросы, которые имѣютъ для логики извѣстный интересъ. Однако Милль, какъ только что упомянуто, говорить и о томъ, насколько общія идеи благоприятствуютъ индуктивному процессу, какія удобства представляютъ общія, отвлеченныя идеи, сравнительно съ единичными представленіями, и, указывая на это мѣсто его «Системы логики», нельзя не вспомнить принятой у приверженцевъ формальнаго направленія теоріи понятій. Мы видѣли, что представители формальной логики обыкновенно смотрятъ на понятіе, какъ на логическую форму, правда, не гарантирующую намъ мысли нормальной, но создающую удобства при разнаго рода операціяхъ. Между ученіемъ Милля объ общихъ идеяхъ и теоріей понятій существуетъ такимъ образомъ одно важное сходство, которое даже можетъ наводить на мысль, будто эти ученія вообще весьма близки одно къ другому. Джонъ Стюартъ Милль думаетъ, что общія идеи создаютъ нѣкоторые удобства при индукціи,—такъ-же, какъ послѣдователи формальнаго направленія утверждаютъ, что логическая форма понятія обезпечиваетъ намъ при размышленіяхъ нашихъ извѣстные удобства. Но есть между этими двумя ученіями разница и разница большая. Милль, разсуждая о значеніи общихъ идей при индукціи, не даетъ никакихъ правилъ относительно того, какъ должны мы мыслить, тогда какъ въ теоріи понятій подобныя пред-

⁵³⁵) Ibid. book IV p. 424—433.

писанія, на самомъ дѣлѣ, важнѣе всего. Джонъ Стюартъ Милль различаетъ общія идеи и единичныя представленія. Формальная логика противопоставляетъ логически правильное понятіе не только представленію, но и такому понятію, которое составлено, съ точки зрѣнія нашей науки, неправильно. Формальная логика отвѣчаетъ на вопросъ, каковы особенности мысли нормальной при различныхъ ея проявленіяхъ. Въ видѣ отвѣта на этотъ общій вопросъ, представители формальнаго направленія и говорятъ намъ между прочимъ, что, именно, понятіе есть форма, обеспечивающая извѣстныя удобства, а потому и благопріятствующая развитію нормальной мысли. Между тѣмъ Милль, рассуждая объ отвлеченныхъ идеяхъ, вопроса объ особенностяхъ нормальной мысли не касается вовсе. Онъ, такъ сказать, спрашиваетъ здѣсь не о томъ, какія формы, если и не гарантируютъ намъ мысли нормальной, то все-же представляютъ нѣкоторыя удобства, а о томъ, какія удобства приобретаемъ мы, благодаря даннымъ формамъ. Прямой вопросъ науки логики, говоримъ мы, заключается въ томъ, каковы особенности мысли нормальной,—въ отличіе отъ ненормальной. Надъ рѣшеніемъ этого вопроса трудятся, на самомъ дѣлѣ, всѣ послѣдователи формальнаго направленія. Только каждая отдѣльная часть системы формальной логики трактуетъ объ этомъ вопросѣ, рассматривая его, если можно такъ выразиться, въ менѣе общей его формѣ. Каждый отдѣлъ логики рѣшаетъ его лишь по отношенію къ извѣстному частному разряду операций мысли. Джонъ Стюартъ Милль въ разбираемомъ мѣстѣ своего сочиненія объ этомъ вопросѣ совсѣмъ не говоритъ. Онъ рассуждаетъ лишь о вопросѣ весьма близкомъ къ этому. Ибо отъ рѣшенія вопроса о томъ, какія удобства представляютъ данныя формы, легко перейти къ рѣшенію вопроса, какія формы создаютъ извѣстныя удобства при размышленіяхъ. Повторяемъ, мы не имѣемъ права утверждать, будто Джонъ Стюартъ Милль касается здѣсь прямо основнаго вопроса логики, но рѣчь идетъ у него тутъ все-же о чемъ-то весьма близкомъ къ этому вопросу.

Въ слѣдующихъ четырехъ главахъ⁵³⁶⁾ идетъ дѣло о названіяхъ и о томъ, какимъ требованіямъ долженъ удовлетворять языкъ, а особенно философскій языкъ, чтобы онъ благопріятствовалъ правильнымъ выводамъ. Объ общемъ взглядѣ Милля на названія и предложенія мы уже говорили. Мы пришли къ заключенію, что

⁵³⁶⁾ Ibid. book IV chapt. III—VI p. 433—465.

ученіе о названіяхъ и предложеніяхъ не есть теорія логическая, но обсуждаются здѣсь все-же вопросы, для логики интересные. Въ тѣхъ главахъ четвертой книги «Системы логики», о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, Джонъ Стюартъ Милль разсматриваетъ различные возможные особенности языка, — языка, а не мысли нашей, и логического ученія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, главы эти въ себѣ не заключаютъ, хотя вопросы, которые онъ тутъ разсматриваетъ, представляютъ для логики интересъ.

Наконецъ, въ послѣднихъ двухъ главахъ той-же книги ⁵³⁷⁾ Милль говоритъ о классифицированіи. Спрашивается прежде всего, какъ вообще должна смотрѣть на ученіе о классифицированіи формальная логика? Вопросъ, рѣшить который задаются цѣлью представители формальнаго направленія, мы формулировали. Но, каковы особенности нормальной мысли, — объ этомъ можно говорить только тогда, когда мы уже приняли такой или иной критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли. Логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», и считаетъ, какъ мы видѣли, нормальной мысль, согласную съ истинной. Логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», признаетъ нормальной мысль послѣдовательную. Но, классифицируя, распредѣляя предметы по группамъ, мы вообще никакихъ вопросовъ не рѣшаемъ, ничего о предметахъ, которые оказываются въ концѣ концовъ распредѣленными, не утверждаемъ. А потому при классифицированіи мысль наша не можетъ ни остаться вѣрной истинѣ, ни уклониться отъ «матерьяльной правды». Критерій истинности здѣсь не приложимъ совсѣмъ. (Мы беремъ, конечно, тѣ случаи, когда самое классифицированіе не сопровождается никакими выводами, да и вообще никакими иными процессами, — процессами, которые предполагали-бы ошибки возможными. Мы разсматриваемъ классифицированіе, само по себѣ). Если назвать нормальными процессы мысли, при которыхъ мы устанавливаемъ положенія истинныя, — а такъ, именно, и смотрятъ на дѣло представители логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», — то правильное классифицированіе нельзя признать за операцію, при которой мысль остается нормальной, — именно, потому, что мы при этомъ ничего не утверждаемъ и не отрицаемъ. Однако, раздѣливъ на группы тѣ предметы, которые намъ приходится разсматривать, мы при ихъ обзорѣни пользуемся нѣкоторыми удобствами. Итакъ, съ

⁵³⁷⁾ Ibid. book IV chapt. VII—VIII p. 465—479.

точки зрѣнія логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», раздѣленіе представляетъ приемъ, который еще не обезпечиваетъ намъ правильной мысли, но создаетъ извѣстные удобства при дальнѣйшихъ нашихъ операціяхъ. Логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», считаетъ нормальной мысль послѣдовательную. Но послѣдовательность можетъ заключаться только въ томъ, чтобы различные элементы мысли (мы здѣсь употребляемъ терминъ «элементы мысли» въ самомъ широкомъ значеніи, разумѣя подъ этимъ словомъ не только первичныя, психологически неразложимыя, но и въ высшей степени сложныя проявленія мысли, на которыя можетъ быть разложено какое-либо еще болѣе сложное цѣлое) были согласны между собой. Положимъ, нашу мысль въ данномъ ея проявленіи можно разложить на элементы $a+b+c+d+e+f+g+h+l+m+n$. Надо, чтобы всѣ эти элементы были согласны одинъ съ другимъ, — вотъ что разумѣемъ мы, когда говоримъ, что мысль наша послѣдовательна. Пусть, мы до начала классифицированія были послѣдовательны. Затѣмъ, мы построили извѣстное раздѣленіе. Никакихъ иныхъ процессовъ мысли при этомъ не было. Возможно-ли, чтобы наша мысль, прежде послѣдовательная, теперь уже не удовлетворяла требованіямъ послѣдовательности и оказалась такимъ образомъ, съ точки зрѣнія логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», ненормальной? Мысль наша до процесса классифицированія распадалась на элементы $a+b+c+d+e+f+g+h+l+m+n$. Эти элементы были согласны одинъ съ другимъ. Построивъ дѣленіе, мы только расположили тѣ-же согласные между собой элементы въ извѣстномъ порядкѣ. Никакихъ новыхъ элементовъ не прибавилось, и отношеніе между прежними не измѣнилось. Измѣнился только порядокъ, въ какомъ мы ихъ осматриваемъ умственнымъ взоромъ, а не отношеніе ихъ одного къ другому. Какимъ-же образомъ можно сохранить послѣдовательность или нарушить таковую при классифицированіи? Какимъ образомъ можетъ мысль человѣка быть, съ точки зрѣнія логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», нормальной или ненормальной при этомъ процессѣ? Можно говорить — съ извѣстной натяжкой — о непослѣдовательности при раздѣленіи лишь въ одномъ случаѣ. Можетъ самая операція классифицированія характеризоваться нѣкоторой непослѣдовательностью. Мы можемъ, напримѣръ, принять при раздѣленіи нашихъ идей или предметовъ въ расчетъ совокупность признаковъ $a+b+c$ и, опираясь на это основаніе дѣленія (*fundamentum divisionis*), выставить группы Q

и R , а потомъ перемѣнить основаніе дѣленія, продолжать классифицировать, имѣя въ виду комплексъ признаковъ $a+b+m$ и намѣтить еще группы S , T и U . Мы допустили-бы, построивъ подобное дѣленіе, непослѣдовательность, но это—непослѣдовательность при самомъ актѣ раздѣленія, а не непослѣдовательность, въ томъ значеніи слова, будто элементы нашей мысли оказываются несогласными одинъ съ другимъ, будто наши утвержденія противорѣчатъ одно другому. Непослѣдовательностью въ этомъ случаѣ называютъ только неодинаковость нашихъ приѣмовъ въ различные моменты классифицированія, а не несогласіе мысли съ собою. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», классифицированіе или раздѣленіе не представляетъ такого приѣма, при которомъ мысль наша можетъ, съ одной стороны, быть нормальной, съ другой,—оказаться ненормальной. Нельзя утверждать, будто правильное дѣленіе является гарантіей нормальной мысли. Однако извѣстныя удобства правильно построенное раздѣленіе представляетъ. Съ этимъ, повидимому, не могли-бы не согласиться и представители логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ». Мы можемъ сказать, что вообще, съ точки зрѣнія формальной логики, ученіе о раздѣленіи, подобно теоріи понятій, трактуетъ не о такихъ формахъ или процессахъ, которые прямо обезпечивали-бы намъ нормальную мысль, а о такихъ, которые лишь въ нѣкоторой мѣрѣ благопріятствуютъ нормальной мысли, которые представляютъ нѣкоторыя удобства. То-же нужно сказать и относительно Миллевскаго ученія о классифицированіи. Какіе-бы мы приемы классифицированія ни предлагали, раздѣленіе можетъ имѣть цѣлью только удобства при разсмотрѣніи предметовъ, которые мы распредѣляемъ по группамъ. Логически правильная или—лучше—съ точки зрѣнія логики, желательная классификація отличается отъ раздѣленія логически неправильнаго или, съ точки зрѣнія нашей науки, нежелательнаго лишь тѣмъ, что въ первомъ случаѣ наше дѣленіе обезпечиваетъ извѣстныя удобства, а во второмъ—оно удобствъ не представляетъ и, мало того, быть можетъ, даже создаетъ затрудненія. И это прекрасно понимаетъ самъ Милль, ибо въ указанныхъ главахъ онъ говоритъ о «классифицированіи, какъ вспомогательномъ приѣмѣ при индукціи» (of classification, as subsidiary to induction)⁵³⁸). Выходитъ такимъ образомъ, что этотъ отдѣлъ у Джона Стюарта Милля по основной задачѣ своей—

⁵³⁸) Ibid. book IV p. 465 (заглавіе 7-й главы).

указать особенности процесса классифицирования, когда операция эта создает удобства при обозрѣніи данной группы явленій или предметовъ,—совершенно сходенъ съ соответствующимъ отдѣломъ въ любомъ руководствѣ по логикѣ, составленномъ въ духѣ направленія формальнаго.

Мы рассмотрѣли то, что Милль говоритъ о процессахъ вспомогательныхъ при индукціи. Мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой книги Джонъ Стюартъ Милль трактуетъ о вопросахъ, дѣйствительно, относящихся къ логикѣ, въ томъ смыслѣ, какой должно получить это слово, если стать на почву формальнаго направленія. Въ другихъ мѣстахъ рѣчь, правда, идетъ не прямо о вопросахъ науки логики, но все-же о вопросахъ, которые стоятъ въ связи съ различными вопросами нашей науки и представляютъ для логики интересъ. А потому мы, во всякомъ случаѣ, должны признать, что содержаніе четвертой книги «Системы логики» Джона Стюарта Милля не противорѣчитъ нашему заключенію. Принявъ во вниманіе эту «книгу», мы съ тѣмъ болѣе правомъ можемъ утверждать, что индуктивная логика, подобно логикѣ формальнаго направленія, задается цѣлью указать особенности мысли нормальной,—въ отличіе отъ ненормальной.

Сдѣлаемъ здѣсь еще одно замѣчаніе. Индуктивная логика, кроме наведенія, часто рекомендуетъ построить гипотезы. Съ болѣе вниманіемъ останавливаются здѣсь на томъ, какого рода гипотезы, вообще можно поставить и когда положеніе, которое выставлено было первоначально гипотетически, можно признать за достовѣрную истину⁵³⁹). Въ подобныхъ разсужденіяхъ индуктивная логика такъ-же, какъ и при разработкѣ теории индукціи, ставитъ себѣ, строго говоря, задачей указать особенности мысли нормальной,—въ отличіе отъ ненормальной. Рѣчь тутъ идетъ о построеніи такихъ или иныхъ предположеній,—слѣдовательно, объ извѣстныхъ процессахъ мысли и, именно, о томъ, когда можно выставить гипотезу, когда предположенія вѣроятны, когда они приближаются къ завѣдомо истиннымъ, т. е. когда мысль наша при извѣстныхъ ея проявленіяхъ приближается къ завѣдомо нормальной. Индуктивная логика трактуетъ о провѣркѣ гипотезъ, о томъ, при какихъ условіяхъ гипотеза обращается въ истину достовѣрную. Въ этомъ случаѣ мы опять таки имѣемъ лишь разсужденія объ

⁵³⁹) Ibid. book IV p. 322 — 333; Al. Bain «Logic», P. I — II, 2 ed. Lond. 1873 part II p. 128—135.

особенностях нормальной мысли. Если наша проверка состоит только въ наблюденіяхъ и экспериментахъ, и тогда самый процессъ проверки все-же остается процессомъ мысли, а не обращается во что-то иное. Все-же процессъ проверки у насъ заключается въ нѣкоторомъ сравненіи,—въ сравненіи того, что мы вновь при наблюденіяхъ и опытахъ нашихъ познали, новыхъ представленій, мыслей съ прежнимъ нашимъ общимъ предположеніемъ, съ прежней общей мыслью. Черезъ такое сравненіе мы должны опредѣлить отношеніе между нашей гипотезой и тѣмъ, что мы вновь познали, между нашей прежней мыслью и мыслями новыми. Если это отношеніе носить извѣстный характеръ, мы объявляемъ то, что первоначально выставили, какъ гипотезу, за истину несомнѣнную. Мы къ нашей первоначальной мысли (въ наиболѣе широкомъ значеніи этого слова) прибавляемъ новыя, разсматриваемъ ихъ отношеніе къ прежней и на основаніи этого отношенія опредѣляемъ истинность, нормальность или ненормальность той мысли, которую мы сначала рѣшились принять. Разсужденія о проверкѣ гипотезъ выясняютъ намъ, что за мысли должны оказаться прибавленными къ нашей первоначальной мысли и каково должно быть ихъ отношеніе къ этой послѣдней, чтобы таковую можно было признать за истинную, нормальную. Это ученіе трактуетъ о томъ, что такой-то комплексъ мыслей долженъ обладать такими-то особенностями, тогда входящая въ составъ нашего комплекса общая мысль согласна съ истиной, нормальна, трактуетъ о томъ, какъ отличить нормальную мысль отъ ненормальной, каковы особенности нормальной мысли. Такимъ образомъ то обстоятельство, что мы въ сочиненіяхъ по логикѣ съ направленіемъ индуктивнымъ часто встрѣчаемъ разсужденія о гипотезахъ, какъ нѣкоторое добавленіе къ теоріи индукціи, не только не опровергаетъ, но подтверждаетъ, что индуктивная логика вообще имѣетъ задачей своей опредѣлить особенности нормальной мысли, что приверженцы этого направленія, на самомъ дѣлѣ, преслѣдуютъ такіе-же задачи, какія стремится выполнить логика формальная.

Въ противоположность формальной логикѣ, которая обыкновенно изучаетъ понятіе, сужденіе и силлогизмъ, логика индуктивная весь свой интересъ сосредоточиваетъ на индукціи, да разсматриваетъ кромѣ того вопросъ о названіяхъ и предположеніяхъ. Поэтому для того, чтобы формулировать основныя

задачи индуктивной логики, нужно только опредѣлить основныя задачи теоріи индукціи. Последняя, какъ мы видѣли, занята разсмотрѣніемъ особенностей нормальной мысли и преслѣдуетъ такія-же задачи, какія ставятъ себѣ представители логики формальной. Выходитъ, что задачи, которымъ посвящена индуктивная логика и—логика формальная, одинаковы. Правда, ученіе о названіяхъ и предложеніяхъ нельзя, съ точки зрѣнія формальной логики, признать за логическую теорію, несмотря на то, что здѣсь говорятъ о вопросахъ, дѣйствительно, интересныхъ для нашей науки. Но мы можемъ смотрѣть на это ученіе, какъ на добавленіе или введеніе въ индуктивную логику ⁵⁴⁰). Логика индуктивная и логика формальная одинаково посвящены опредѣленію особенностей нормальной мысли. Однако индуктивный выводъ, съ одной стороны, и образованіе понятій, сужденій и обыкновенныхъ силлогистическихъ умозаключеній ⁵⁴¹), — съ другой, представляютъ операціи мысли различныхъ порядковъ. Между тѣмъ приверженцы индуктивной логики обращаютъ все свое вниманіе на индукцію, а логика формальная съ особымъ интересомъ трактуетъ о понятіяхъ, сужденіяхъ и силлогистическихъ умозаключеніяхъ. Индуктивная логика и логика формальная преслѣдуютъ одинаковыя общія основныя задачи. Но логика индуктивная исключительно разсматриваетъ одну часть общаго предмета науки логики, а послѣдователи формальнаго направленія—другую. Приверженцы обоихъ направленій задаются цѣлью опредѣлить особенности нормальной мысли при различныхъ ея проявленіяхъ. Но индуктивная логика преимущественно или исключительно останавливается на однихъ проявленіяхъ нашей мысли, а логика формальная—на другихъ. Та-

⁵⁴⁰) Мы видѣли, что ученіе о названіяхъ и предложеніяхъ возникло, какъ реакція противъ господствовавшей до того времени формальной логики. И такая тенденція, какъ мы о томъ выше говорили, сохранилась въ нѣкоторой мѣрѣ и до настоящаго времени. Разсматривая ученіе о названіяхъ и предложеніяхъ, какъ введеніе, мы можемъ добавить, что ученіе это часто имѣетъ между прочимъ цѣлью разрушить, если не всю формальную логику, то, по крайней мѣрѣ, принятую здѣсь теорію понятій и сужденій (Насколько эта цѣль достигается, см. выше).

⁵⁴¹) Мы говоримъ «обыкновенныхъ силлогистическихъ умозаключеній», ибо часто разсматриваютъ и индуктивный выводъ, какъ силлогизмъ.

ково отношеніе между двумя этими направленіями въ нашей наукѣ.

Мы разсмотрѣли интересующій насъ вопросъ, предполагая между сочиненіями индуктивнаго и формальнаго направленій полное несходство содержанія. Но, какъ мы уже выше говорили, такого полного несходства, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ, и это еще больше подкрѣпляетъ наше заключеніе. Если при максимумѣ несходства въ содержаніи все-же приходится признать, что индуктивная логика и логика формальная преслѣдуютъ одинаковыя основныя задачи, то тѣмъ болѣе возможно утверждать это, если мы сдѣлаемъ поправку и скажемъ, что нѣкоторые отдѣлы, большей частью, правда, различно разработанные, повторяются, какъ въ сочиненіяхъ съ направленіемъ индуктивнымъ, такъ и въ сочиненіяхъ, которыя написаны въ духѣ формальнаго направленія.

Начнемъ съ ученія о силлогизмѣ. Объ этой логической формулѣ говоритъ почти каждый изъ представителей индуктивной логики. Послѣдователи интересующаго насъ направленія болѣею частью стараются доказать несостоятельность теоріи силлогизма. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но даже подобный разборъ силлогистическихъ умозаключеній говоритъ, собственно, въ пользу нашего утвержденія, что индуктивная логика и логика формальная сходны по основнымъ своимъ задачамъ. Положимъ, какой-либо ученый создаетъ новую теорію въ области химіи. Неужели онъ долженъ при этомъ критически разсмотрѣть, на примѣръ, воззрѣнія, которыя господствовали до сихъ поръ въ языкознаніи? Конечно, нѣтъ. Но мнѣнія, прежде общепринятые въ химіи и противорѣчащія его новой теоріи, онъ критически разобрать долженъ. Когда мы обсуждаемъ какой-либо вопросъ или рядъ вопросовъ, мы обыкновенно разбираемъ лишь прежніе отвѣты на этотъ вопросъ или эти вопросы или, по крайней мѣрѣ, отвѣты на такіе вопросы, которые стоятъ въ близкой связи съ разсматриваемыми, а не рѣшеніе вопросовъ, которые не имѣютъ съ даннымъ ничею общаго. Такимъ образомъ, если приверженцы индуктивной логики критически разсматриваютъ теорію силлогизма или какое-бы то ни было ученіе, которое принято въ формальной

логикѣ, эт только можетъ служить внѣшнимъ признакомъ, что индуктивная логика и логика формальная посвящены, если не однимъ и тѣмъ-же вопросамъ, то, по крайней мѣрѣ, вопросамъ близкимъ, признакомъ того, что оба эти направленія въ извѣстной мѣрѣ сходны по предмету своего разсмотрѣнія, по основнымъ задачамъ своимъ. Еслибы индуктивная логика трактовала о предметѣ, безусловно отличномъ отъ того, который разсматриваетъ логика формальная, то послѣдовательно направленія индуктивнаго достаточно было-бы указать на это обстоятельство; критическій-же разборъ взглядовъ, которые приняты у представителей формальной логики, оказался-бы совсѣмъ излишнимъ. Но мы кромѣ того видѣли, что позднѣйшіе приверженцы индуктивной логики Джонъ Стюартъ Милль и Бенъ все-же придаютъ нѣкоторое значеніе силлогизму. Милль не согласенъ признать силлогистическое умозаключеніе за выводъ, въ смыслѣ перехода отъ извѣстнаго къ чему-то новому, еще неизвѣстному. Въ силлогистическихъ заключеніяхъ мы, по его мнѣнію, только истолковываемъ общія положенія, въ истинности которыхъ мы уже раньше убѣдились. И формула силлогизма вовсе не такова, чтобы въ нее необходимо складывалось всякое умозаключеніе. Но умозаключеніе можно свести къ силлогизму: тогда легко провѣрить основательность заключенія. Совершенно въ томъ-же духѣ Бенъ утверждаетъ, что силлогизмъ помогаетъ намъ не дѣлать новые выводы, а пояснять прежнія индуктивныя обобщенія и является прекраснымъ средствомъ для провѣрки дедуктивныхъ заключеній⁵⁴²). Обратимъ прежде всего вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Можно разсматривать силлогизмъ, съ психологической точки зрѣнія и съ точки зрѣнія науки логики. Если мы станемъ на почву психологіи, то должны будемъ говорить о силлогистическомъ умозаключеніи, нисколько не касаясь вопроса, остается ли при такомъ процессѣ мысль наша нормальной или нѣтъ. И только съ этой точки зрѣнія, возможно разсуждать, складывается ли необходимо (т. е., въ силу психологической необходимости) всякое умозаключеніе въ форму силлогизма или

⁵⁴²) Ср. выше.

нѣтъ. возможны-ли, такъ сказать, не-силлогистическіе выводы, возможны-ли процессъ заключенія иного рода. Если-же мы разсматриваемъ силлогизмъ, съ точки зрѣнія логики, то, описавъ этотъ процессъ мысли вообще, указываемъ, какія особенности должны быть на лицо, чтобы силлогистическій выводъ можно было назвать правильнымъ, чтобы силлогизмъ обезпечивалъ намъ нормальную мысль,—вырабатываемъ правила, которыя слѣдуетъ соблюдать при составленіи силлогистическихъ умозаключеній. Силлогизмъ, самъ по себѣ,—форма психологическая. Правильный силлогизмъ—форма логическая, форма, которую наша наука рекомендуетъ. Съ точки зрѣнія психологіи, можно спросить, вливается-ли необходимо всякій выводъ въ форму силлогизма. Логика указываетъ намъ лишь формы для правильныхъ силлогистическихъ умозаключеній, и, съ точки зрѣнія этой науки, можно задаться только вопросомъ, складывается-ли необходимымъ образомъ всякое правильно построенное—всякое правильно построенное, а не всякое вообще—заключеніе въ логическую форму силлогизма. А потому, если Джонъ Стюартъ Милль утверждаетъ, будто не всякое умозаключеніе принимаетъ, на самомъ дѣлѣ, форму силлогизма, это—отвѣтъ на вопросъ психологическій, а не логическій,—на вопросъ, который, правда, имѣетъ для логики значеніе, ибо, еслибы мы, положимъ, рѣшили, что всякій выводъ вливается въ форму силлогизма, то должны были-бы признать, что и всякое, съ точки зрѣнія логики, правильное умозаключеніе представляетъ правильно построенный силлогизмъ, хотя мы и не имѣемъ права сказать наоборотъ: если не всякій выводъ складывается въ форму силлогизма, то не всякое логически правильное умозаключеніе слагается, согласно съ какой-либо изъ тѣхъ формулъ для силлогизмовъ, которыя намѣчаетъ формальная логика. Итакъ, мы должны признать, что въ этихъ разсужденіяхъ о силлогизмѣ, правда, не опредѣляются особенности мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной, но и здѣсь обсуждается все-же нѣчто, представляющее для логики, какъ таковую, разрабатываютъ представители формальнаго направленія, извѣстный интересъ. Далѣе. По мнѣнію Джона Стюарта Милля и Бена, мы, строя силлогизмы,

истолковываемъ, выясняемъ прежде установленныя общія положенія. Но такое истолковываніе и выясненіе есть процессъ мысли. Вѣдь, не о правильномъ выраженіи нашихъ мыслей въ словахъ (а такое также предполагало-бы извѣстные акты мысли) идетъ рѣчь у Джона Стюарта Милля и Бена. И вотъ, наконецъ, оба они утверждаютъ, что при помощи силлогизма легко провѣрить дедуктивное заключеніе. Иными словами, это значитъ: когда умозаключеніе принимаетъ форму силлогизма легко видѣть, правильно-ли оно—или нѣтъ. Такимъ образомъ эти представители индуктивной логики разсматриваютъ силлогизмъ или—точнѣе—правильный силлогизмъ, подобно приверженцамъ направленія формальнаго, какъ логическую форму; они думаютъ, что силлогизмъ, извѣстнымъ образомъ построенный, правильно построенный, силлогизмъ при извѣстныхъ его особенностяхъ является доказательствомъ, что заключеніе сдѣлано правильно, что мысль наша при данномъ умозаключеніи осталась нормальной; и они также, трактуя о силлогизмѣ, имѣютъ въ виду особенности нормальной мысли при извѣстныхъ ея проявленіяхъ; и они также разсматриваютъ силлогистическое умозаключеніе, согласно съ правилами логики построенное, какъ мысль съ особенностями, которыя гарантируютъ ея нормальность. Сколько-бы взглядъ Джона Стюарта Милля и Бена на силлогизмъ ни отличался отъ теоріи, принятой въ формальной логикѣ, все-же они въ общемъ говорятъ о томъ-же, о чемъ идетъ рѣчь и въ соотвѣствующихъ мѣстахъ любого составленнаго въ духѣ формальнаго направленія руководства по логикѣ,—о формулѣ логически правильнаго силлогизма, какъ такой формулѣ, при которой наша мысль вполнѣ нормальна, иными словами, объ особенностяхъ силлогистическаго умозаключенія, когда такое представляетъ нормальную операцию мысли, одно изъ проявленій нормальной мысли. Такимъ образомъ разсужденія Милля и Бена о значеніи формулы силлогизма ни въ какомъ случаѣ не опровергаютъ нашего утвержденія, что индуктивная логика и логика формальная сходны по своимъ общимъ основнымъ задачамъ. Напротивъ, подобныя разсужденія прямо говорятъ въ пользу такого взгляда на отношеніе между этими направленіями въ нашей наукѣ.

Кромѣ того Джонъ Стюартъ Милль и Бенъ, какъ мы выше уже говорили, предлагаютъ «классификацію вещей существующихъ», — нѣчто, во всякомъ случаѣ напоминающее таблицу категорій, надъ составленіемъ которой такъ часто трудятся представители формальнаго направленія въ логикѣ, — трактуютъ о приѣмѣ классифицированія вообще ⁵⁴³), наконецъ, Бенъ весьма много разсуждаетъ объ опредѣленіи и даже говоритъ о такъ называемыхъ основныхъ логическихъ законахъ, — законахъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Чтобы не вдаваться слишкомъ въ частности, повторимъ здѣсь лишь то, что мы сейчасъ сказали о встрѣчающемся обыкновенно у приверженцевъ индуктивной логики критическомъ разборѣ теоріи силлогизма. Еслибы Джонъ Стюартъ Милль и Бенъ, разсуждая о классифицированіи, опредѣленіи и пр., только критически разсматривали, только опровергали взгляды представителей формальной логики, уже и это обстоятельство показывало-бы, что они задаются въ логикѣ въ общемъ такими-же вопросами, какіе выставляютъ приверженцы формальнаго направленія или, по крайней мѣрѣ, вопросами близкими: иначе имъ не представлялось-бы интереса останавливаться на соответствующихъ отдѣлахъ формальной логики. А если возможно указать и нѣкоторое сходство въ воззрѣніяхъ у Милля и Бена, съ одной стороны, и защитниковъ формальнаго направленія, — съ другой, то подобное сходство служить еще новымъ подтвержденіемъ, что индуктивная логика и логика формальная преслѣдуютъ, на самомъ дѣлѣ, одинаковыя основныя задачи.

Наконецъ, мы должны обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. Какъ мы уже говорили, ученіе объ индукціи мы встрѣчаемъ также и у приверженцевъ формальной логики; только теорія эта носитъ здѣсь обыкновенно нѣсколько иной характеръ. Это, собственно, — фактъ весьма знаменательный. Никто не станетъ утверждать, будто представители формальнаго направленія въ нашей наукѣ, говоря объ индуктивныхъ выводахъ, оставляютъ логику, въ томъ смыслѣ, какъ ставятъ дѣло они сами, и переходятъ въ другую область. Нельзя ду-

⁵⁴³) Ср. выше.

мать, будто приверженцы формальной логики перестают при этом говорить об особенностях нормальной мысли и переходят къ иному предмету обсуждения. А если такъ, если теорія индукціи у представителей формальнаго направленія посвящена вопросу об особенностях нормальной мысли, едва ли было-бы послѣдовательно отрицать это относительно теоріи индукціи, когда таковую разрабатываютъ представители такъ называемаго индуктивнаго направленія. Между учениемъ об индукціи, какъ его развиваютъ въ формальной логикѣ, и теоріей, которая принята у послѣдователей индуктивнаго направленія, существуетъ, говоримъ мы, нѣкоторая разница. Но разница эта не такова, чтобы можно было утверждать, будто въ одномъ случаѣ теорія посвящена одному основному вопросу, а въ другомъ — другому, будто въ одномъ случаѣ теорія преслѣдуетъ такіа задачи, а въ другомъ — иныя. Приверженцы формальной логики обыкновенно признаютъ такъ называемую *inductio per enumerationem simplicem* ⁵⁴⁴). Въ наиболѣе прос-

⁵⁴⁴) Аристотель признаетъ *inductio per enumerationem simplicem*, въ самомъ простомъ смыслѣ слова. Совершенно, съ точки зрѣнія логики, только индукція полная, когда мы перечислили всѣ предметы, на которые нашъ выводъ распространяется. Чѣмъ больше предметовъ мы опустили, тѣмъ большими логическими несовершенствами отличается нашъ выводъ (см. примѣч. 405).—Но въ новое время ученіе об индукціи принимаетъ у представителей формальной логики нѣсколько иной характеръ. Дѣло въ томъ, что, если такъ смотрѣть на индуктивный методъ, если не развить Аристотелевской теоріи дальше, то индукція неполная оказывается чѣмъ-то слишкомъ ужъ произвольнымъ. Изъ предметовъ группы *A* предметы *a*, *b* и *c* обладаютъ свойствомъ *M*. Больше мы ничего не знаемъ и ни на какое общее положеніе не ссылаемся. На какомъ основаніи будемъ мы утверждать, что всѣмъ предметамъ этой группы принадлежитъ данный признакъ? Мы, строго говоря, не имѣемъ на то никакого права, и Аристотель потому и объявляетъ индукцію прямо за силлогизмъ, неправильно построенный, за силлогизмъ, который заключаетъ въ себѣ явную ошибку. А между тѣмъ намъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится прибѣгать, именно, къ индукціи неполной. Такова *inductio per enumerationem simplicem* въ наиболѣе грубой ея формѣ. Подобная индукція, говоримъ мы, представляетъ нѣчто слишкомъ ужъ произвольное.—И вотъ, Гассенди уже дѣлаетъ извѣстную оговорку. Въ неполной индукціи мы, по его мнѣнію, дѣйствительно, перечисляемъ не всѣ предметы и явленія, на которые распространяется выводъ, но рѣшаемся мы на это «*supponendo, videlicet, praeter membra enumerata, occurrere nullum, quod secus se habeat*» (Petri Gassendi «Opera omnia». T. I. Pars I. «Logica». Lugduni p. 113).—Такимъ-же образомъ Гютчesonъ говоритъ об индукціи: «Non autem fidem facit

той ея формѣ *inductio per enumerationem simplicem* заключается только въ перечисленіи фактовъ. Когда мы рассмотрѣли всѣ факты, на которые потомъ распространяется нашъ выводъ, мы можемъ назвать индукцію логически совершенной, нашъ выводъ вполнѣ достовѣренъ (индукція полная). Если мы не имѣли возможности познакомиться со всѣми предметами, относительно которыхъ мы что-либо послѣ утверждаемъ, наша индукція несовершенна, съ точки зрѣнія логики, заключение наше не можетъ, строго говоря, считаться достовѣрнымъ (индук-

maximam... nisi constat, nulla prorsus esse exempla contraria (Франциска Гутчесова «Сокращеніе логики», пер. на Росс. яз. А. Эттеромъ. Спб. 1819. См. въ приведенномъ рядомъ съ переводомъ Латинскомъ текстѣ стр. 140).—Лейбницъ утверждаетъ, что индукція никогда не можетъ дать выводъ достовѣрный (G. G. Leibnitii «Opera philosophica, quae exstant latina, gallica, germana omnia» ed. I. Ed. Erdmann. Brl. 1840. «Dissertatio de stilo philosophico Nizolii» p. 71).—По мнѣнію Chr. Wolff'a, индуктивный выводъ опирается на общее положеніе: «Quod de singulis inferioribus affirmari vel negari potest, idem etiam de superiori universaliter affirmari vel negari debet, sub quo inferiora ista continentur» («Philosophiae Wolfianae contractae» tom. I ed. I. Fr. Stiebritz. Halae Magdeb. 1744. «Philosophiae rationalis sive logicae» pars I. p. 166); послѣдній называетъ индукцію «peculiaris argumentandi modus» (ibid. p. 167).—Chr. Aug. Crusius говоритъ только объ *inductio per enumerationem simplicem*, въ ея наиболѣе простой формѣ («Weg zur Gewissheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß». 2-te Aufl. Leipz. 1762 p. 521; ibid. p. 546; ibid. p. 959—960).—A. D. Ch. Twisten объявляетъ, что индуктивный выводъ имѣетъ силу, самъ по себѣ, лишь тогда, если онъ представляетъ индукцію полную. «Die mangelnde Allgemeinheit wird aber durch die metaphysische Voraussetzung der durchgängigen Gesetzmässigkeit der Natur ergänzt» («Die Logik insbesondere die Analytik». Schlessw. 1825 p. 129. Ср. ibid. p. 128; ibid. p. 276—277).—По С. Fr. Bachmann'у, вся дѣятельность нашей мысли опирается въ концѣ концовъ на необходимый постулатъ разума,—на идею «всеобщей законосообразности въ идеальномъ и реальномъ бытіи» (die allgemeine Gesetzmässigkeit des idealen und realen Seins). Опирается на этотъ постулатъ и всякій индуктивный выводъ. Но индукція представляетъ несовершенный силлогизмъ, и полная достовѣрность принадлежитъ лишь индукціи полной. Нужно при этомъ замѣтить, что С. Fr. Bachmannъ считаетъ не всѣ предметы каждой данной группы одинаково интересными при индуктивномъ изслѣдованіи. Наблюдать одни предметы, думаетъ онъ, важнѣе, чѣмъ наблюдать другіе. Какіе, именно, факты лучше доказываютъ нашъ выводъ,—этого С. Fr. Bachmannъ не выясняетъ («System der Logik». Leipz. 1828 p. 325—328).—Такой-же точки зрѣнія придерживаются, повидимому, Fr. Ed. Beneke («System der Logik, als Kunstlehre des Denkens». Th. I—II. Brl. 1842. Th. II p. 1—68) и J. H. Fichte («Grundzüge zum Systeme der Philosophie. Erste Abth. Das Erkennen als Selbsterkennen». Heid. 1833 p. 158—162; ibid. p. 223—228).—Herm. Lotze также признаетъ полную индукцію за логически совершенную («System der Phi-

ція неполная). Чтобы обосновать выводъ при такъ называемой неполной индукціи, представители формальной логики часто ссылаются на различныя общія положенія. И часто основой для индуктивныхъ выводовъ является у нихъ принципъ законосообразности въ природѣ, единообразнаго устройства міра. При этомъ обыкновенно все-же лишь индукцію полную объявляютъ за логически совершенную. А потому и индукцію въ такомъ ея видѣ можно назвать *inductio per enumerationem simplicem*. Это учение объ индуктивномъ процессѣ не настоль-

losophie. I Th. Logik“. 2-te Aufl. Leipz. 1880 p. 125 — 129), но онъ старается развить дальше тѣ взгляды, которые мы у его предшественниковъ находимъ, такъ сказать, въ намекахъ. Мы, положимъ, имѣемъ предъ собою рядъ случаевъ: предмету *A* принадлежитъ *P*; предмету *B* принадлежитъ *P*; предмету *C* принадлежитъ *P*. Предметы *A*, *B* и *C* относятся къ классу *N*. И вотъ, мы утверждаемъ, что всѣмъ предметамъ *N* принадлежитъ *P*. Такимъ образомъ нашъ выводъ обыкновенно распространяется на классъ или родъ. И несогласнымъ съ истиной заключение можетъ оказаться въ томъ случаѣ, если мы ошибочно приймемъ признакъ *P*, входящій въ составъ видовыхъ особенностей предметовъ *A*, *B* и *C*, за признакъ, принадлежащій роду или классу *N*. И вотъ, Herm. Lotze говоритъ: „...das Gesetz der Identität bürgt uns dafür, dass an demselben *S*, wenn es in einer zweiten Erfahrung uns zu wiederholter Wahrnehmung käme, dasselbe Prädicat *P* weder fehlen noch durch ein anderes *Q* ersetzt werden könnte“ (ibid. p. 354). Таковъ, по Herm. Lotze, основной логическій принципъ при индукціи или—лучше—при индукціи неполной. И этотъ принципъ даетъ ему возможность составить особыя правила. Придерживаясь этихъ правилъ, мы въ частныхъ случаяхъ выделяемъ свойства, которыя принадлежать предметамъ только потому, что они относятся къ данному классу,—въ отличіе отъ признаковъ, составляющихъ *differentia specifica*. При этомъ Herm. Lotze понимаетъ «родъ», «свойство», «*differentia specifica*» и пр. въ широкомъ смыслѣ и прилагаетъ свои правила также къ тѣмъ случаямъ, когда индуктивный процессъ имѣетъ цѣлью не выделить постоянно присущіе данному классу (въ болѣе тѣсномъ, обыкновенномъ смыслѣ этого слова) признаки, а установить причинную связь, положимъ, между *A* и *B* (ibid. p. 125—129; ibid. p. 353—389 и дальше).—Тотъ взглядъ на индукцію, будто единичный предметъ тутъ является какъ-бы замѣнителемъ класса, но будто все-же только полная индукція гарантируетъ насъ вполне отъ ошибокъ, мы встрѣчаемъ и у Herm. Ulrici («System der Logik». Leipz 1858 p. 563—578). — L. Strümpell признаетъ *inductio per enumerationem simplicem*, въ самомъ простомъ значеніи этого слова, причемъ только указываетъ на то обстоятельство, что мы иногда въ положеніи, добытомъ индуктивнымъ путемъ, утверждаемъ принадлежность даннаго признака извѣстнымъ предметамъ, а не такое или иное причинное отношеніе («Grundriss der Logik oder der Lehre vom wissenschaftlichen Denken». Leipz. 1881 p. 132—139).—Fr. Dittes также считаетъ лишь полную индукцію совершенной. Но естественныя науки, говоритъ онъ, за невозможностью

ко, говоримъ мы, отличается отъ теоріи, которую разрабатываетъ индуктивная логика, чтобы можно было утверждать, будто въ одномъ случаѣ рѣшается одинъ основной вопросъ или рядъ вопросовъ, а въ другомъ—вопросъ другой или другой рядъ вопросовъ. Теорія индукціи, какъ тогда, когда она входитъ въ составъ логики индуктивной, такъ и тогда, когда ее разрабатываютъ представители формальнаго направленія, разсуждаетъ о томъ, какимъ образомъ, исходя изъ частныхъ фактовъ, выводить общія положенія. Чтобы это было возможно,

обозрѣть всѣ факты, на которые распространяется выводъ, прибѣгаютъ къ индукціи неполной «im Vertrauen auf eine durchgreifende Gesetzmässigkeit alles Seins und Geschehens» («Lehrbuch der Psychologie und Logik». 8-te Aufl. Leipz. u. Wien 1882 p. 231—233).—Подобнымъ-же образомъ и М. А. Drbal стоитъ, собственно, за индукцію полную. Когда наше перечисленіе неполно, мы получаемъ лишь вѣроятное заключеніе, которое основывается на предположеніи («Darstellung der wichtigsten Lehren der Menschenkunde, Seelen- und Denklehre. In drei Theilen. 2-er Th. Praktische Logik oder Denklehre». Wien 1872 p. 95), будто все, что происходитъ въ мірѣ, происходитъ по извѣстнымъ законамъ, а потому и то, что произошло въ данныхъ частныхъ случаяхъ, обусловливается какимъ-то всеобщимъ закономъ (ibid. p. 13—14; ibid. p. 93—97).—Fr. Harms утверждаетъ, что при всякомъ индуктивномъ выводѣ мы, переходя отъ частныхъ фактовъ къ общему положенію, опираемся на извѣстное метафизическое предположеніе. Индукція, говоритъ онъ («Logik». Leipz. 1886 p. 239), «muss schliesslich Gott als absolutes Wesen und als Gesetzgeber setzen» (См. все ученіе объ индукціи ibid. p. 237—247).

П. Лодіи также придаетъ большое значеніе различію между индукціей полной и неполной. Но въ концѣ его разсужденій объ индукціи и аналогіи (заключеніе по аналогіи онъ разсматриваетъ, какъ непосредственный переходъ отъ частныхъ фактовъ извѣстныхъ къ неизвѣстнымъ,—переходъ, который, на самомъ дѣлѣ, можно было-бы считать законнымъ только въ томъ случаѣ, еслибы мы признали законной индукцію неполную) читаемъ: „Для чего мы, умствуя по аналогіи, надежно и рѣшительно заключаемъ о будущемъ дѣйствіи?... Причина тому есть слѣдующій непремѣнный законъ: «Гдѣ всѣ вмѣстѣ взятыя приготовленія, необходимы нужны къ произведенію какого дѣйствія, точно тѣ-же самыя бывають, тамъ должно необходимо слѣдовать и то-же самое дѣйствіе» («Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго». Спб. 1815 стр. 306—307. Ср. тамъ-же стр. 300—307).

Перейдемъ къ представителямъ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ».—Кантъ утверждаетъ, что индуктивнымъ выводамъ нашимъ не можетъ принадлежать характеръ необходимости и безусловной всеобщности (Imm. Kant «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. Hefte 20—21. «Logik». Brl. 1869 p. 146—148).—По мнѣнію Л. Н. Jacob'a, индуктивный выводъ опирается на метафизическое предположеніе, что природа подчинена всеобщимъ

индуктивная логика прежде всего признаетъ всеобщій принципъ причинности, который, какъ мы видѣли, представляетъ не законъ логическій, а нѣчто иное. Нѣкоторые изъ приверженцевъ формальной логики дѣлаютъ то-же самое. И они говорятъ, что индукція предполагаетъ какой-то основной принципъ, метафизическій, какъ они часто выражаются, принципъ, — слѣдовательно, не принципъ логическій, а принципъ иного рода, — причемъ объявляютъ иногда за таковое основаніе для индуктивныхъ выводовъ прямо принципъ законосообразности

необходимымъ законамъ. Но, несмотря на такой взглядъ, L. H. Jacob считаетъ вполне достовѣрной лишь индукцію полную. Онъ выставляетъ слѣдующій основной принципъ для индуктивныхъ заключеній (конечно, при индукціи неполной): «Was vielen zu einer Gattung gehörigen Dingen zukömmt oder widerspricht, das kömmt zu oder widerspricht auch allen, welche zu dieser Gattung gehören» («Grundriss der allgemeinen Logik und kritische Anfangsgründe der allgemeinen Metaphysik». 3-te Aufl. Frankf. u. Leipz. 1794 p. 200—206). — На такой-же точкѣ зрѣнія стоитъ J. G. C. C. Kiesewetter («Grundriss einer allgemeinen Logik nach Kantischen Grundsätzen zum Gebrauch für Vorlesungen begleitet mit einer weitem Auseinandersetzung für diejenigen, die keine Vorlesungen darüber hören können». I Th. 3-te Aufl. Brl. 1802. II Th. Brl. 1796. I Th. p. 97—101; *ibid.* I Th. «Weitere Auseinandersetzung des Abrisses einer reinen allgemeinen Logik» p. 315—327; *ibid.* II Th. p. 23—27; *ibid.* II Th. «Weitere Auseinandersetzung der angewandten allgemeinen Logik» p. 79—87). — Такимъ-же образомъ Ed. Trummer считаетъ совершенной только индукцію полную и признаетъ за основу для индуктивныхъ выводовъ: «Quod est in multis est in omnibus ejusdem generis» («Lehrbuch der Logik». Wien 1861 p. 96—97). — M. W. Drobisch объявляетъ за основаніе неполной индукціи третье Ньютоновское правило: «Qualitates corporum, quae intendi et remitti nequeunt, quaeque corporibus omnibus competunt, in quibus experimenta instituere licet, pro qualitatibus corporum universorum habendae sunt» («Neue Darstellung der Logik». 4-te Aufl. Leipz. 1875 p. 186. Ср. *ibid.* p. 152—154; *ibid.* p. 182—194). — G. Hagemann говоритъ, что полная индукція даетъ выводы вполне достовѣрные, неполная — лишь вѣроятные. Неполная индукція принимаетъ за правило: «Was von vielen Einzeldingen gilt, das gilt von der ganzen zusammengehörigen Art; was vielen Arten zukommt и т. д. Но индукція при этомъ предполагаетъ, что въ природѣ царитъ законосообразность и одиѣ и тѣ-же причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. А потому нѣтъ необходимости заботиться при индуктивномъ изслѣдованіи о томъ, чтобы разсмотрѣть возможно большее количество фактовъ; это была-бы ненаучная, эмпирическая индукція, *inductio per enumerationem simplicem*: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ важно убѣдиться, что данное явленіе, дѣйствительно, вытекаетъ изъ природы и сущности предмета» («Elemente der Philosophie. I. Logik und Noetik». 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887 p. 101—104).

въ мірѣ, единообразнаго устройства міра,—принципъ, даже и по содержанію (а не лишь по общему характеру,—въ томъ отношеніи, что это—не принципъ логическій, а нѣчто иное) близко сходный со всеобщимъ закономъ причинности. Только индуктивная логика, опираясь на ученіе о причинности, напередъ опредѣляетъ общій характеръ содержанія выводовъ (въ обобщеніи ⁵⁴⁵) дѣло всегда идетъ о причинной зависимости), ограничивая такимъ образомъ напередъ область своего разсмотрѣнія, и заключенія, къ которымъ мы приходимъ при индукціи, считаетъ вполне достовѣрными, а логика формальная разсуждаетъ о всякаго рода (по содержанію) заключеніяхъ отъ частнаго къ общему и, если и указываетъ на такой или иной принципъ для индуктивныхъ выводовъ, все-же обыкновенно утверждаетъ, что при неполной индукціи мы получаемъ общія положенія не безусловно достовѣрныя, а лишь вѣроятныя. Мы при индукціи заключаемъ отъ частныхъ фактовъ. Поэтому намъ прежде всего рекомендуютъ наблюденіе и экспериментъ. У представителей формальной логики мы также встрѣчаемъ разсужденія о наблюденіи и притомъ не только о наблюденіи, въ узкомъ значеніи этого слова, но и объ экспериментѣ ⁵⁴⁶). Затѣмъ индуктивная логика предлагаетъ рядъ правилъ, какъ въ частныхъ случаяхъ, съ которыми намъ удалось познакомиться, выдѣлить причину и дѣйствіе. Какъ мы выше убѣдились, такое выдѣленіе предполагаетъ процессъ сравниванія. Сравнить всѣ тѣ факты, которые мы наблюдали при индукціи, одинъ съ другимъ необходимо,—это, конечно, скажетъ и всякій представитель формальной логики. Что-же касается, собственно, выдѣленія причины и дѣйствія, то, такъ сказать, намеки, если не на выдѣленіе, именно, причины и дѣйствія, то, по крайней мѣрѣ, существенныхъ, принадлежащихъ классу признаковъ,—въ отличіе отъ признаковъ случайныхъ и входящихъ въ составъ такъ называемой *differentia specifica*, мы встрѣчаемъ и во многихъ сочиненіяхъ по логикѣ

⁵⁴⁵) Ср. выше.

⁵⁴⁶) См. указанія въ примѣч. 544-омъ мѣста сочиненій Fr. Ed. Beneke, L. Strümpell'a, Fr. Dittes'a, Fr. Harms'a, L. H. Jacob'a, J. G. C. C. Kiesewetter'a, M. W. Drobisch'a и J. Fr. Fries'a.

съ направлениемъ формальнымъ ⁵⁴⁷⁾. Наконецъ, установивъ, что въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ, положимъ, *A* было причиною *B*, мы ссылаемся на всеобщій принципъ причинности и построимъ дедуктивное умозаключение. Такимъ-же образомъ мы, придерживаясь предписаній, которыя даютъ послѣдователи формальнаго направленія, удостоверяемся, что, положимъ, *P* въ предметахъ, которые мы имѣли случай наблюдать, принадлежитъ къ числу признаковъ рода *M*, и, опираясь, на принципъ единообразнаго устройства міра,—какъ-бы этотъ принципъ ни былъ формулированъ у того или другаго мыслителя или ученаго,—дѣлаемъ далѣе дедуктивный выводъ. Итакъ, ученіе объ индукціи у представителей формальной логики и у послѣдователей направленія индуктивнаго трактуетъ о дѣйствіяхъ и операціяхъ, если не безусловно одинаковыхъ, то все-же въ общемъ сходныхъ и притомъ—въ обоихъ случаяхъ—именно, о томъ, когда эти дѣйствія можно признать за правильныя. Но формальная логика, разсматривая индуктивныя заключенія, разсуждаетъ объ особенностяхъ нормальной мысли. Чтобы не допустить непоследовательности, мы должны согласиться, что и теорія наведенія въ индуктивной логикѣ только опредѣляетъ особенности мысли нормальной,—въ отличіе отъ ненормальной. И въ одномъ, и въ другомъ случаяхъ говорить о томъ, какъ «вопросать природу», значитъ лишь говорить объ особенностяхъ нормальной мысли. Повторяемъ, теорія индукціи и у представителей направленія формальнаго, и у приверженцевъ индуктивной логики посвящена одинаковымъ задачамъ, одинаково ставитъ себѣ цѣлью указать общія особенности нормальной мысли при извѣстныхъ ея проявленіяхъ.

Такимъ образомъ нѣкоторое сходство въ содержаніи логики индуктивнаго направленія и—формальнаго, какъ и слѣдовало ожидать, подкрѣпляетъ наше утвержденіе, что приверженцы обоихъ направленій преслѣдуютъ одинаковыя основныя задачи.

Какъ мы уже говорили, позднѣйшіе представители интересующаго насъ направленія Джонъ Стюартъ Милль и особенно Бенъ хотятъ до нѣкоторой степени сблизить логику

⁵⁴⁷⁾ См. примѣч. 544-е.

индуктивную съ формальной. И, если разсмотрѣть общій взглядъ на нашу науку у этихъ авторовъ, то оказывается, что они и сами понимаютъ основныя задачи логики такъ-же, какъ послѣдователи направленія формальнаго, хотя опредѣленіе и выражено у нихъ въ другихъ словахъ. Они и сами смотрятъ, собственно, на логику, какъ на науку, которая стремится указать особенности мысли нормальной,—въ отличіе отъ ненормальной.

Джонъ Стюартъ Милль⁵⁴⁸) беретъ то опредѣленіе логики, которое предлагаетъ R. Whately⁵⁴⁹). Послѣдній утверждаетъ, что логику можно разсматривать, какъ науку, а также и искусство умозаключенія (Logic... may be considered as the Science and also as the Art of Reasoning)⁵⁵⁰), причемъ онъ подъ искусствомъ умозаключенія разумѣетъ правила, какъ построить заключенія вѣрныя. Но такое опредѣленіе страдаетъ, по мнѣнію Милля, нѣкоторыми недостатками. Если даже понимать терминъ «умозаключеніе» въ самомъ широкомъ смыслѣ и разумѣть подъ этимъ словомъ не только заключеніе отъ общаго къ частному, не только силлогизмъ, какъ это дѣлаютъ многіе изъ представителей нашей науки, то все-же мы такимъ опредѣленіемъ исключаемъ нѣкоторые вопросы, несомнѣнно, относящіеся къ логикѣ, напримѣръ, вопросы о томъ, какъ слѣдуетъ составлять опредѣленіе вообще, какъ построить логическое дѣленіе. Опредѣленіе R. Whately слишкомъ узко⁵⁵¹). Можно было-бы сказать, что логика—«наука объ операціяхъ человѣческаго ума при отысканіи истины» (the science, which treats of the operations of the human understanding in the pursuit of truth)⁵⁵²). Но подобное опредѣленіе заключаетъ

⁵⁴⁸) Опредѣленіе логики см. у Милля въ его сочиненіи «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889. «Introduction» p. 1 — 8; *ibid.* book I p. 11—12; *ibid.* book I p. 29; *ibid.* book II p. 103.

⁵⁴⁹) См. *ibid.* «Introduction» p. 1—2.

⁵⁵⁰) R. Whately «Elements of Logic». Reprinted from the ninth (octavo) edition. Lond. 1875 p. 1.

⁵⁵¹) J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889. «Introduction» p. 1—3.

⁵⁵²) *Ibid.* «Introduction» p. 3.

недостатокъ противоположный: оно обнимаетъ собой слишкомъ много. Нѣкоторыя истины мы познаемъ непосредственно: каждый фактъ чувственнаго воспріятія представляетъ подобный случай ⁵⁵³). На такого рода познавательные акты правила логики не распространяются вовсе. Логика рассматриваетъ лишь познавательные процессы болѣе сложные,—акты, при которыхъ мы познаемъ, если можно такъ выразиться, посредственно, а не непосредственно. Познавать-же посредственно значитъ выводить одну истину изъ другой, уже извѣстной. Мы такимъ образомъ опять возвращаемся къ опредѣленію R. Whately; мы опять вынуждены сказать, что логика есть наука объ умозаключеніи, о доказательствѣ ⁵⁵⁴). Нужно только для того, чтобы это опредѣленіе не было слишкомъ узкимъ, сдѣлать оговорку. Нужно сказать: логика—наука о доказательствѣ и процессахъ, которые оказываются по отношенію къ этому процессу вспомогательными ⁵⁵⁵). Такъ смотритъ на нашу науку Джонъ Стюартъ Милль.

Мы нарочно старались воспроизвести всю нить мыслей, благодаря которымъ Милль приходитъ къ своему опредѣленію. Отдѣльно взятое опредѣленіе логики, какъ науки о доказательствѣ и процессахъ вспомогательныхъ при доказываніи, уже говорить за себя, уже само говорить въ пользу того, что и Джонъ Стюартъ Милль, на самомъ дѣлѣ, признаетъ за основную задачу логики—указать особенности нормальной мысли при различныхъ ея проявленіяхъ. Но притомъ нашъ авторъ такимъ опредѣленіемъ замѣняетъ другое. Это у него—иначе формулированный взглядъ на логику, какъ на науку о тѣхъ операціяхъ ума, направленныхъ къ отысканію истины, при которыхъ мы истину познаемъ не-непосредственно. Такимъ образомъ у него выходитъ, что логика есть наука объ операціяхъ мысли—можно было-бы сказать въ болѣе общей

⁵⁵³) Мы уже говорили, что чувственное воспріятіе сопровождается у насъ иногда выводами, которыхъ мы сами не замѣчаемъ. Конечно, такіе выводы представляютъ познаніе, если можно такъ выразиться, посредственное. Но чувственное воспріятіе, само по себѣ,—познаніе непосредственное.

⁵⁵⁴) Ibid. «Introduction» p. 3—6.

⁵⁵⁵) Ibid. «Introduction» p. 6—7.

формѣ—о мысли человѣка. Эта наука разсматриваетъ мысль нашу при отысканіи истины, мысль нашу, когда таковая приводитъ насъ къ познанію истины,—слѣдовательно, мысль, съ точки зрѣнія логики формальной и, именно, «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», нормальную. Логика—наука о нормальной мысли. Она судить, одѣживаетъ достоинства доказательствъ. Она обращаетъ вниманіе на то, дѣйствительно-ли наша мысль при такихъ-то и такихъ-то ея проявленіяхъ нормальна. Она указываетъ признаки, особенности нормальной мысли ⁵⁵⁶).

Обратимся теперь къ Бену. «Логику, говоритъ онъ, можно кратко опредѣлить, какъ комплексъ ученій (doctrines) и правилъ, касающихся истинности» (having reference to Truth) ⁵⁵⁷). Такими словами начинаетъ Бенъ свое сочиненіе «Logic». Уже это опредѣленіе характеризуетъ взглядъ его на нашу науку. Но Бенъ дальше разсматриваетъ вопросъ о томъ, что такое логика и каковы основныя ея задачи, подробнѣе.

Впрочемъ, чтобы понять точку зрѣнія Бена, мы должны сначала остановиться на его ученіи о «первыхъ принципахъ логики» (first principles of Logic) ⁵⁵⁸). Такими принципами, по его мнѣнію, являются I) принципъ «согласія» (the Principle of Consistency) ⁵⁵⁹), II) принципы дедукціи и III) принципъ индукціи ⁵⁶⁰). Послѣдній—ничто иное, какъ всеобщій законъ единообразнаго устройства природы, однимъ изъ развѣтвленій котораго является такъ называемый законъ причинности. Выше, когда мы говорили о теоріи индукціи, мы пришли къ заключенію, что принципъ причинности нельзя признать за законъ логическій,—если понимать послѣдній терминъ (терминъ «логическій»), согласно съ тѣмъ, какъ ставятъ дѣло привер-

⁵⁵⁶) Между прочимъ Джонъ Стюартъ Милль говоритъ: «Логика—общее поле, на которомъ могутъ выйти другъ другу на встрѣчу и подать другъ другу руку послѣдователи Гертля, Риды, Локка и Канта» (ibid. «Introduction» p. 8).

⁵⁵⁷) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. I p. 1.

⁵⁵⁸) Ibid. part I p. 14—21.

⁵⁵⁹) Проф. М. И. Владиславлевъ переводитъ—«принципъ состоятельности мысли» («Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 247).

⁵⁶⁰) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. I p. 14.

женцы формальнаго направленія,—нельзя признать за законъ, который будто-бы опредѣляетъ особенности нормальной мысли. Этимъ закономъ мы устанавливаемъ нѣчто относительно объективно, внѣ насъ существующаго міра ⁵⁶¹), а не относительно нормальнаго теченія нашей мысли. То-же, конечно, можно сказать и вообще о принципѣ единообразнаго устройства природы. Въ какомъ-бы мы смыслѣ законъ единообразія ни понимали, во всякомъ случаѣ, когда мы разсуждаемъ о единообразномъ порядкѣ, мы говоримъ о чемъ-то такомъ, что имѣетъ мѣсто внѣ насъ, въ объективномъ мірѣ, а не о такихъ или иныхъ процессахъ мысли. Повторяемъ, съ точки зрѣнія формальной логики, послѣдній изъ выставленныхъ Беномъ принциповъ, принципъ единообразія въ природѣ, представляетъ не принципъ логическій, а законъ иного рода, законъ, который распространяется на объективный міръ. Разсмотримъ прочіе Беновскіе «первые принципы логики». Нашъ авторъ называетъ слѣдующіе принципы дедукціи: А) Для утвердительныхъ выводовъ: а) Что истинно относительно цѣлаго класса, истинно относительно всего того, что можетъ быть подведено подъ этотъ классъ. b) Вещи, сосуществующія съ одной и той-же вещью, сосуществуютъ одна съ другой. В) Для выводовъ отрицательныхъ: а) Что отрицается относительно цѣлаго класса, то отрицается относительно всего того, что можетъ быть подведено

⁵⁶¹) Мы говоримъ, что законъ причинности распространяется на «внѣ насъ существующій міръ». Могутъ сказать, что не только вѣншній міръ, но и міръ внутреннихъ,—наша психическая жизнь,—подчиненъ извѣстнымъ общимъ законамъ, что и тутъ остается въ силѣ всеобщій принципъ причинности. Но, какъ слѣдуетъ смотрѣть на «законы» психологическіе,—мы этого вопроса не касаемся. Если различать познающій субъектъ и познаваемый объектъ, то придется признать, что въ логикѣ предметомъ обсужденія является самый познающій субъектъ или, по крайней мѣрѣ, нѣчто такое, что въ субъектѣ происходитъ, тогда какъ законъ причинности устанавливаетъ нѣчто относительно познаваемыхъ объектовъ или—если принять соответствующую точку зрѣнія—нѣчто также и относительно познаваемыхъ объектовъ. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что законъ причинности не—принципъ логическій, ибо онъ распространяется на объективный міръ. И мы тѣмъ болѣе имѣемъ право прибѣгнуть къ подобному способу выраженія въ виду, того, что и самъ Бенъ называетъ принципъ единообразія—принципомъ единообразія *въ природѣ* (Uniformity of Nature). Нашей терминологіи мы и будемъ придерживаться ниже.

подъ этотъ классъ. b) Вещь, сосуществующая съ другой, съ которою третья вещь не сосуществуетъ, не сосуществуетъ съ этой третьей вещью ⁵⁶²). Очевидно, второй изъ принциповъ для утвердительныхъ выводовъ и второй изъ принциповъ для дедуктивныхъ заключеній отрицательныхъ—не законы логическіе, а принципы, которыми устанавливается нѣчто относительно внѣшняго, объективнаго міра. Но, если мы говоримъ: что истинно по отношенію къ классу, истинно и относительно единичныхъ предметовъ, къ этому классу принадлежащихъ, то слова наши никакого утвержденія о мірѣ объективномъ въ себѣ не заключаютъ. Во второй своей формулировкѣ, принципъ дедукціи представляетъ, такъ сказать, всеобщій фактъ, на который всегда можно сослаться въ доказательство правильности вывода; въ первой формулировкѣ, этотъ принципъ оказывается правиломъ, придерживаясь котораго можно построить заключенія. Во второмъ случаѣ это—принципъ, имѣющій приложение въ объективномъ мірѣ; въ первомъ это—логическій законъ, которымъ опредѣляются особенности мысли нашей при правильныхъ дедуктивныхъ выводахъ. Въѣдь, можно, нисколько не измѣняя смысла Беновскаго принципа дедукціи, въ первой его формулировкѣ, выразить этотъ принципъ такъ: если мы въ выводѣ утверждаемъ относительно извѣстной части даннаго класса S нѣчто P на томъ основаніи, что раньше оказалось истиннымъ наше утвержденіе, будто это P принадлежитъ всему классу S , то нашъ выводъ правиленъ, теченіе нашей мысли нормально. И принципъ для дедуктивныхъ выводовъ отрицательныхъ носить, въ первой своей формулировкѣ, совершенно такой-же характеръ. И такъ, принципы дедукціи, въ первой ихъ формулировкѣ, опредѣляютъ особенности нормальной мысли при извѣстныхъ ея проявленіяхъ (при дедуктивныхъ умозаключеніяхъ): это—принципы логическіе, съ точки зрѣнія представителей формальнаго направленія; тогда какъ, въ послѣдней формулировкѣ, принципы дедукціи оказываются вовсе не законами логики, а чѣмъ-то такимъ, что распространяется на объективный міръ. Замѣтимъ между про-

⁵⁶²) Ibid. part. I p. 18—19.

чимъ, что Бенъ даетъ предпочтеніе первой формулировкѣ принциповъ дедукціи. — той, при которой эти принципы оказываются законами логическими ⁵⁶³). Но при этомъ онъ считаетъ аксіомы дедукціи выведенными изъ всеобщаго закона единообразія въ природѣ ⁵⁶⁴). Наконецъ, принципъ согласія (Principle of Consistency) Бенъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Основное требованіе при разсужденіяхъ такъ-же, какъ и при разговорѣ, чтобы мы въ новой формѣ выраженія утверждали то-же, что утверждали прежде» (It is a fundamental requisite of reasoning, as well as of communication by speech, that what is affirmed in one form of words shall be affirmed in another) ⁵⁶⁵). Не будемъ останавливаться на подробномъ выясненіи этого принципа. Намъ пришлось-бы тогда зайти слишкомъ далеко и коснуться вопроса о логическихъ законахъ тождества и противорѣчія. Самъ Бенъ разсматриваетъ этотъ принципъ, какъ основное требованіе *при разсужденіяхъ*, какъ основное требованіе, которое должно быть выполнено, чтобы размысленія наши были правильны, такъ что соблюденіе этого закона является у него одной изъ особенностей, всегда присущихъ правильнымъ разсужденіямъ, — мысли нашей, когда она протекаетъ нормально, мысли нормальной, въ отличіе отъ ненормальной ⁵⁶⁶). Въ виду этого принципъ согласія (Principle of Consistency) слѣдуетъ, съ точки зрѣнія формальной логики, признать за законъ логическій. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ числѣ первыхъ принциповъ логики Бенъ называетъ не только такіе, которые любой представитель формальнаго направленія объявилъ-бы за законы логическіе, но и принципы, которые распространяются на внѣшній, объективный міръ. Но формальная логика принимаетъ различныя модификаціи. Она иногда

⁵⁶³) Ibid. part I p. 155—164.

⁵⁶⁴) Ibid. part I p. 19.

⁵⁶⁵) Ibid. part I p. 14.

⁵⁶⁶) Впрочемъ Бенъ утверждаетъ, что законы тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, — законы, которые онъ, какъ мы выше видѣли, признаетъ лишь за несовершенное выраженіе основнаго принципа согласія (the principle of Consistency), могутъ быть распространяемы также и на внѣшній міръ (ibid. part I p. 244).

обращается въ логику метафизическую. Такое направленіе характеризуется тѣмъ, что представители его оставляя содержаніе обыкновенной формальной логики, такъ сказать, нетронутымъ, признають нѣкоторый параллелизмъ между законами логики и принципами метафизики или (болѣе крайніе изъ приверженцевъ этого направленія) — даже полное сходство между принципами этихъ двухъ порядковъ. Въ послѣднемъ случаѣ логику просто объявляютъ за метафизику или одинъ изъ отдѣловъ ея. Мы видѣли, что при этомъ иногда мѣсто метафизическихъ принциповъ и самой метафизики здѣсь заступаютъ вообще принципы, распространяющіеся на объективный міръ, и вообще знаніе объективнаго міра и логическое ученіе съ подобными, если такъ можно выразиться, замѣнами по силѣ его общаго сходства со всякой метафизической логикой можетъ все-же считаться составленнымъ въ духѣ метафизическаго направленія. Такимъ образомъ при этой послѣдней своей модификаціи логика посвящена разсмотрѣнію не законовъ логическихъ или, по крайней мѣрѣ, не только законовъ логическихъ, но также и принциповъ, которые распространяются на объективный міръ. Это мы, именно, и находимъ у Бена. Онъ объявляетъ за принципы логическіе не только такіе, которые, съ точки зрѣнія приверженцевъ формальнаго направленія, могутъ быть названы законами логики, но также и принципы (притомъ, прямо признавая за логическіе принципы нѣкоторые изъ принциповъ, распространяющихся на объективный міръ, а не лишь разсуждая о подобныхъ принципахъ, какъ это обыкновенно дѣлаетъ индуктивная логика, когда трактуетъ о законѣ причинности), распространяющіеся на объективный міръ. А потому, если мы говоримъ, что Бенъ преслѣдуетъ такіа-же основныя задачи, какія выставляютъ обыкновенно представители логики формальной, то должны при этомъ, собственно, дѣлать оговорку, должны прибавлять, что у него замѣтна тенденція обратить формальную логику въ метафизическую.

Сдѣлавъ это предварительное замѣчаніе, мы можемъ обратиться къ разсмотрѣнію общаго взгляда Бена на логику и ея основныя задачи. Въ слѣдъ за разсужденіями о первыхъ прин-

ципахъ логики (first principles of logic) Бенъ предлагаетъ классификацію наукъ и говорить, что «по отвлеченному характеру своему только логика можетъ состязаться съ математикой, ибо первые принципы логики (the first principles of logic). .—законъ согласія (the law of consistency), законъ дедукціи, законъ единообразія,—представляютъ основу (a paramount) для каждой науки... Невозможна никакая наука, которая не принимала-бы данныхъ логики»⁵⁶⁷⁾. Выходить, будто логика предлагаетъ другимъ наукамъ не только правила, какъ вести изслѣдованіе, но и особыя данныя, наиболѣе отвлеченные принципы, на содержаніе которыхъ постоянно приходится ссылаться. Взглядъ этотъ понятенъ; если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что въ числѣ принциповъ логики Бенъ называетъ такіе, которые имѣютъ силу для объективнаго міра, а не для нашихъ операций мысли. Логикѣ, говоритъ Бенъ, опредѣляютъ, какъ науку и искусство умозаключенія (reasoning). Это опредѣленіе, замѣчаетъ нашъ авторъ въ слѣдъ за Джономъ Стюартомъ Миллемъ, страдаетъ извѣстными недостатками. Терминъ «умозаключеніе» часто понимаютъ узко; часто словомъ этимъ обозначаютъ только заключенія силлогистическія. Но, если разумѣть подъ умозаключеніемъ также и индуктивные выводы, если придать этому термину наиболѣе широкое значеніе, и въ такомъ случаѣ разсматриваемое опредѣленіе оказывается узкимъ. Логика разбираетъ и вопросы другіе, какъ, на примѣръ, о «классифицированіи и опредѣленіи»,—операцияхъ, которыя возможно подвести подъ извѣстныя правила, ибо эти операціи можно выполнять хорошо и нехорошо⁵⁶⁸⁾. Другіе утверждаютъ, что логика—наука о законахъ мышленія. Но это—опредѣленіе слишкомъ широкое. Мы должны были-бы тогда говорить въ логикѣ, на примѣръ, о памяти и воображеніи. Скорѣе можно приложить подобное опредѣленіе къ наукѣ психологіи, чѣмъ къ логикѣ. Здѣсь вовсе не принята въ расчетъ та характерная особенность нашей науки, что мы тутъ разсматриваемъ

⁵⁶⁷⁾ Ibid. part I p. 25—26.

⁵⁶⁸⁾ Ibid. part I p. 30.

не мысль, какова она, на самомъ дѣлѣ, а мысль, какой она должна быть, что въ логикѣ необходимо указать принципъ, придерживаясь котораго, можно было-бы контролировать операціи ума (*the spontaneous thinking of the mind*). Наконецъ, если въ этомъ опредѣленіи даже сдѣлать оговорку и сказать, что логика трактуетъ о мысли, какой она должна быть, то еще пришлось-бы указать извѣстный критерій (*a standard*), а таковымъ критеріемъ можетъ быть только критерій истинности (*which standard can be nothing but the standard of what is true and false*)⁵⁶⁹). Иногда еще опредѣляютъ логику, какъ науку объ операціяхъ ума при отысканіи истины. Но мы часто познаемъ истину непосредственно, напримѣръ, если кто чувствуетъ голодь, слышитъ звукъ, испытываетъ удовольствіе. На подобныя познавательныя процессы никакія правила распространяться не могутъ. Это также—опредѣленіе слишкомъ широкое. Въ виду всѣхъ такихъ соображеній Милль и думаетъ, что логику слѣдовало-бы опредѣлить, какъ «науку объ операціяхъ ума, которыя способствуютъ оцѣнкѣ доказательства» (*the science of the operations of understanding that are subservient to the estimation of evidence*)⁵⁷⁰). «Въ настоящемъ трудѣ, продолжаетъ Бенъ, логика разсматривается, во первыхъ, какъ теоретическая и абстрактная наука, во вторыхъ, какъ практическая наука о доказательствѣ (*of Proof or Evidence*), въ третьихъ, какъ комплексъ вспомогательныхъ при отысканіи истины методовъ»⁵⁷¹). За теоретическую, абстрактную науку Бенъ признаетъ логику потому, что въ составъ ея входятъ наиболѣе отвлеченныя общіе принципы,—«первыя принципы логики»⁵⁷²). Въ этомъ взглядѣ сказывается его склонность стать на почву метафизическаго направленія. Если-же такую тенденцію у Бена игнорировать и притомъ принять въ соображеніе всю нить его разсужденій, то становится очевиднымъ, что онъ, на самомъ дѣлѣ, ви-

⁵⁶⁹) Ibid. part I p. 30—31.

⁵⁷⁰) Ibid. part I p. 31—34.

⁵⁷¹) Ibid. part I p. 34. Cp. *ibid.* part I p. 34—41, а также *ibid.* part I p. 229—254.

⁵⁷²) Ibid. part I p. 34. Cp. *ibid.* part I p. 229—254.

дить въ логикѣ науку, которая опредѣляетъ нормальныя операціи мысли, въ отличіе отъ процессовъ ненормальныхъ, которая трактуетъ объ особенностяхъ нормальной мысли.

Впрочемъ Бенъ возражаетъ противъ формальнаго характера нашей науки. Онъ не считаетъ возможнымъ признать логику за науку формальную или, по крайней мѣрѣ, вполне формальную⁵⁷³). Мы уже говорили, что для такъ называемой формальной логики атрибутъ «формальной» оказывается, строго говоря, вовсе не характернымъ. Логика этого направленія стремится опредѣлить особенности нормальной мысли при различныхъ ея проявленіяхъ. Вотъ основная задача формальной логики. Но особенности нормальной мысли можно разсматривать различнымъ образомъ. Нѣкто *A* размышлялъ объ объектѣ мысли *a*, и его мысль оставалась при этомъ нормальной. Нѣкто *B* разсуждалъ о предметѣ или группѣ предметовъ *b*, и мысль его протекала нормально. *C* разсматривалъ *c* и также пришелъ къ вѣрнымъ выводамъ и т. д. Съ другой стороны, *A*₁ неправильно разсуждалъ объ *a*, *B*₁ обдумывалъ вопросъ *b*, и мысль его протекала неправильно и т. д. Можно разсмотрѣть эти процессы мысли у разныхъ лицъ во всей, такъ сказать, ихъ полнотѣ. О предметѣ *a* разсуждали, предположили мы, *A* и *A*₁, одинъ изъ нихъ правильно, другой неправильно. Теченіе мыслей у *A* можно сравнить съ процессомъ мысли у *A*₁ и указать по отношенію къ этому частному случаю особенности нормальной мысли, — въ отличіе отъ ненормальной. Затѣмъ можно разсмотрѣть такимъ-же образомъ процессъ мысли у *B* и *B*₁ и т. д. и подобнымъ разборомъ и ограничиться, — принимая каждый разъ во вниманіе, по возможности, все, такъ сказать, свойства мысли человѣка, все, чѣмъ отличаются разсматриваемые нами процессы отъ всякихъ другихъ, все содержаніе и все отличительныя черты тѣхъ мыслей, которыя мы сравниваемъ. Такимъ путемъ мы не пришли-бы къ желанному результату. Комплексъ подобныхъ разсужденій науки логики составить не можетъ. Но пусть, процессы мысли у *A*, *B*, *C* и *A*₁, *B*₁, *C*₁ психологически однородны. Пусть, это — съ

⁵⁷³) Ibid. part I p. 241—254.

точки зрѣнія психологій, однородныя проявленія нормальной и ненормальной мысли. Укажемъ, чѣмъ отличается теченіе мысли у A , въ противоположность процессу у A_1 , у B , сравнительно съ теченіемъ мысли у B_1 , и т. д., и сравнимъ тогда особенности, которыя такимъ образомъ выяснились въ одномъ случаѣ (тѣ, которыми процессъ мысли у A отличается отъ процесса у A_1), съ тѣми, которыя обнаружили въ другомъ (у B и B_1), третьемъ и пр. Назовемъ особенности эти въ первомъ случаѣ m , во второмъ n , въ третьемъ p и т. д. Если сравнить m , n , p и пр., то оказывается, что между ними существуетъ извѣстное сходство. Оказывается, что въ числѣ особенностей нормальной мысли есть такія, которыя всегда бывають на лицо при психологически однородныхъ процессахъ и, слѣдовательно, не зависятъ, если можно такъ выразиться, отъ принадлежащей каждому изъ подобныхъ однородныхъ актовъ *differentia specifica*. А такъ какъ въ этой *differentia specifica* намъ, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ бросается въ глаза различное содержаніе нашихъ мыслей въ разныхъ случаяхъ, то и можно сказать, что нормальная мысль при психологически однородныхъ процессахъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя особенности, не зависящія отъ содержанія нашихъ мыслей. Вотъ такія-то особенности, общія всѣмъ психологически однороднымъ процессамъ; — общія особенности нормальной мысли и стремится разсмотрѣть формальная логика. Подобныя особенности не зависятъ отъ содержанія: формальная логика разсматриваетъ формы мысли, — въ отличіе отъ ея содержанія, объявляютъ намъ представители этого направленія. Впрочемъ мы не говоримъ, будто положенія и законы логики, на самомъ дѣлѣ, устанавливаются подобнымъ образомъ или будто ихъ слѣдуетъ выводить непременно такимъ путемъ. Мы не касаемся вопроса о томъ, какъ логика устанавливаетъ или должна устанавливать свои законы: мы хотимъ лишь точнѣе опредѣлить основныя задачи формальной логики. И притомъ мы имѣемъ здѣсь въ виду только логику «формальную, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», а не формальную вообще. У представителей направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ», терминъ «формальная наука» принимаетъ нѣсколь-

ко иное значеніе. Они требуютъ обыкновенно полного отдѣленія формъ мысли отъ ея содержанія и подѣ «формальными» законами человѣческой мысли разумѣютъ лишь такіе, выполненіе которыхъ обезпечиваетъ намъ не непосредственно истинность, а только извѣстное отношеніе между различными нашими мыслями или элементами мысли, только послѣдовательность въ мысли. Значеніе термина «формальная наука», «формальные законы» у этихъ ученыхъ и мыслителей для насъ въ данномъ случаѣ неважно, такъ какъ мы сопоставляемъ индуктивную логику не съ «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», а съ «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи» этого слова. Кромѣ того мы должны повторить здѣсь оговорку, которую уже сдѣлали выше. Возьмемъ любое сочиненіе по логикѣ съ направленіемъ «формальнымъ, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», и рассмотримъ тутъ тѣ разсужденія, которыя должны выяснить самую идею логики и — частіе — показать формальный характеръ этой науки. Мы, быть можетъ, найдемъ здѣсь нѣчто такое, что заставитъ насъ подумать, будто только что предложенное объясненіе термина «формальная наука» неправильно. Быть можетъ, многіе изъ представителей нашего направленія, разсуждая о логикѣ и называя эту науку «формальной», придаютъ послѣднему слову нѣсколько иное значеніе, чѣмъ какое мы за нимъ устанавливаемъ. Но это для насъ неважно. Мы всегда имѣемъ въ виду, такъ сказать, суть интересующаго насъ «формальнаго» направленія. Положимъ, какой-либо ученый или мыслитель задается цѣлью указать общія особенности нормальной мысли и при этомъ самъ опредѣляетъ, положимъ, основную задачу своего сочиненія иначе. Мы все-же видѣли-бы суть даннаго сочиненія въ томъ, что авторъ его указываетъ намъ общія особенности нормальной мысли. Пусть, терминъ «формальная наука» неудобенъ и приводитъ насъ иногда къ ошибкамъ. Это обстоятельство опять таки не можетъ измѣнить нашъ взглядъ на основныя задачи формальной логики. Задачи эти — рассмотреть общія особенности нормальной мысли. Если терминъ «формальная наука» приложимъ къ логикѣ формальнаго направленія, то объясненія тутъ нужно искать въ характерѣ этихъ за-

дачь. А когда авторы различныхъ трактатовъ, разсуждая о томъ, что логика—наука формальная, придаютъ такому термину смыслъ иной, они допускаютъ извѣстную непослѣдовательность,—непослѣдовательность, отъ которой все-же самыя задачи принадлежащихъ имъ сочиненій не измѣняются. Еслибы кто написалъ руководство по химіи, а въ началѣ своего труда подъ названіемъ химіи опредѣлилъ науку физики, его сочиненіе осталось-бы сочиненіемъ по химіи, а не превратилось-бы въ руководство по физикѣ. Итакъ, мы, говоря, что представители направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», смотрятъ на логику, какъ на науку формальную, беремъ такое значеніе этого послѣдняго термина, какое онъ получаетъ, благодаря, дѣйствительно, присущему сочиненіямъ даннаго направленія общему характеру, а не то значеніе, которое стараются ему,—иногда, быть можетъ, допуская нѣкоторую непослѣдовательность или ошибку,—придать сами авторы этихъ сочиненій. И дѣлаемъ мы это съ тѣмъ бѣльшимъ правомъ въ виду слѣдующихъ соображеній. Опредѣляя суть такого или иного направленія въ извѣстной наукѣ,—цѣлаго направленія, а не отдѣльныхъ сочиненій,—мы волей или неволей должны отбрасывать разнаго рода частности и останавливаться только на особенностяхъ общихъ. Но различные авторы обыкновенно стараются исправить и часто, дѣйствительно, исправляютъ ошибки, которыя допускаютъ другіе приверженцы даннаго направленія. Выходитъ такимъ образомъ, что, останавливаясь лишь на общихъ особенностяхъ извѣстнаго ряда сочиненій, мы выбрасываемъ изъ этихъ послѣднихъ многіе одному или нѣсколькимъ авторамъ принадлежащіе ошибочные взгляды. Выходитъ, что, опредѣляя такое или иное направленіе, мы вовсе не указываемъ или указываемъ только на весьма немногія ошибки,—лишь на ошибки, которыя присущи всѣмъ сочиненіямъ данной группы. Словомъ, ошибочные взгляды намъ гораздо скорѣе приходится исключить изъ нашего опредѣленія, чѣмъ взгляды, дѣйствительно, основательные. Далѣе. Мы стремимся къ тому, чтобы, разсмотрѣвъ направленія, которыя въ нашей наукѣ существуютъ или существовали, рѣшить, какія основныя задачи должна преслѣдовать логика. Мы хотимъ

взять у представителей каждого направленія то, что изъ ихъ сочиненій для рѣшенія интересующаго насъ вопроса, дѣйствительно, возможно почерпнуть. Въ виду этого, еслибы мы даже признали, что приверженцы формальной логики всегда допускаютъ при употребленіи термина, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, нѣкоторую непоследовательность или ошибку, намъ все-же пришлось-бы, не внося этой ошибки въ наше опредѣленіе, просто указать на прочія особенности формальной логики и при этомъ только сдѣлать оговорку и выставить на видъ ошибку, которая у представителей нашего направленія обыкновенно встрѣчается. Итакъ, атрибутъ «формальная» для логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», съ которой мы и сопоставляемъ индуктивную логику, оказывается не характернымъ. Суть въ томъ, что формальная логика разсматриваетъ общія особенности нормальной мысли при различныхъ ея проявленіяхъ. Пусть, для науки, которая преслѣдуетъ подобныя задачи, названіе «формальной» нужно считать не подходящимъ; тогда его можно отбросить, и дѣло отъ этого не измѣняется: логика такого направленія все-же остается тѣмъ, чѣмъ она является, когда мы къ ней подобный атрибутъ прилагаемъ. Такимъ образомъ, если индуктивная логика такъ-же, какъ и логика формальная, ставитъ себѣ цѣлью опредѣлить особенности нормальной мысли, то, приложимо-ли къ ней названіе «формальной» или нѣтъ,—вопросъ этотъ не имѣетъ для насъ значенія. Положимъ, мы пришли-бы къ заключенію, что индуктивную логику никоимъ образомъ нельзя назвать формальной, все-же мы должны были-бы признать, что оба направленія преслѣдуютъ, на самомъ дѣлѣ, одинаковыя основныя задачи, что по задачамъ своимъ эти направленія сходны. Въ виду этого всѣ возраженія Бена противъ термина «формальная наука», строго говоря, теряютъ для насъ свой интересъ.

Но возраженія эти теряютъ свой интересъ еще и въ виду другихъ соображеній. Часто, говоритъ Бенъ, признаютъ математику за науку вполне формальную. Между тѣмъ ясно и неопровержимо, что мы прежде, чѣмъ принять правила для математическихъ операцій, испытываемъ и провѣряемъ ихъ

на основаніи ихъ результатовъ»⁵⁷⁴). И мы, быть можетъ, такъ поступаемъ всегда — и тогда, когда дѣло идетъ не о математическихъ выкладкахъ. А если мы правиламъ математики особенно довѣраемъ, то это происходитъ отъ того, что провѣрка здѣсь легка и, такъ сказать, отличается полнотой⁵⁷⁵). «Что касается, продолжаетъ Бенъ, необходимости индуктивной провѣрки, то то-же замѣчаніе приложимо и къ формамъ логическимъ. Ни одной изъ правильныхъ формъ (sc. правильныхъ формъ силлогизма) мы не должны принимать, основываясь лишь на формальной очевидности (formal evidence). Dictum кажется вполне очевиднымъ (very evident); положеніе *nota notae* еще болѣе очевиднымъ; но *nota notae* приводитъ насъ къ ложнымъ заключеніямъ до тѣхъ поръ, пока мы при разсмотрѣніи дѣйствительныхъ случаевъ умозаключенія не снабдили его (т. е., положеніе *nota notae*) тщательно оговорками и квалификаціями. Когда мы разсматриваемъ со вниманіемъ различные процессы въ логикѣ, мы находимъ, что они, въ сущности, матерьяльны (material. Т. е., матерьяльны, а не формальны только). Возьмемъ процессъ «обращенія». Какимъ образомъ познаемъ мы, что, если ни одно X не есть Y , то и ни одно Y не есть X ? Мы убѣждаемся въ этомъ, подробно разсматривая разнаго рода случаевъ «обращенія», когда мы видимъ, что два имѣющихся у насъ положенія, дѣйствительно, равнозначащи. Хотя заключеніе и представляется намъ яснымъ уже въ виду однихъ формальныхъ основаній, мы сами не довольствуемся формальной точкой зрѣнія. Еслибы мы ограничились формальнымъ разборомъ процесса «обращенія», мы точно такъ-же должны были-бы сказать: всякое X есть Y ; изъ этого вытекаетъ, что всякое Y есть X . Отъ подобнаго скачка предохраняетъ насъ только разборъ разнаго рода частныхъ случаевъ «обращенія»⁵⁷⁶). «Можно утверждать, читаемъ мы нѣсколько ниже, что дедукція и индукція, собственно, операциі, стоящія одна съ другой въ связи (continuous): это — части одного цѣ-

⁵⁷⁴) Ibid. part I p. 251.

⁵⁷⁵) Тамъ-же та-же стран.

⁵⁷⁶) Ibid. part I p. 251—252.

лаго. Въ извѣстныхъ небольшихъ предѣлахъ дедуктивный процессъ возможенъ лишь при соблюденіи правилъ для операций надъ символами, знаками, — правилъ, которыя, въ свою очередь, установлены на основаніи разсмотрѣнія матерьяла (т. е., матерьяла, а не формъ). Но истинная дедукція (real deduction), распространеніе такого или иного принципа на случаи новые предполагаетъ разборъ конкретныхъ, дѣйствительныхъ случаевъ, совершенно такъ-же, какъ и индуктивное обобщеніе. Судья, который данный законъ къ частнымъ случаямъ прилагаетъ, долженъ разсмотрѣть матерьялъ (т. е., матерьялъ, а не формы только); онъ долженъ избѣгать ошибокъ въ формѣ заключенія, но онъ не можетъ довольствоваться одной формальной правильностью». Подобнымъ-же образомъ и «въ области индукціи мы можемъ установить правила для формальныхъ операций, — такія правила, которыя должны заслужить одобреніе даже у строгаго формалиста. Такъ, пусть A , B и C составляютъ вмѣстѣ причину дѣйствія X ; если A уменьшилось, B или C должно соотвѣтствующимъ образомъ увеличиться, чтобы осталось такое-же дѣйствіе; если A увеличивается, остальные причины столько-же уменьшаются и т. д. Это, — такъ сказать, математическія разсужденія; что они въ общемъ истинны, — это мы знаемъ, и они могутъ поэтому найти себѣ формальное приложение, независимо отъ разсмотрѣнія матерьяла»⁵⁷⁷). Эти небольшія цитаты выясняютъ намъ возраженія Бена противъ «формальной» логики или, по крайней мѣрѣ, противъ исключительно формальнаго характера нашей науки. Бенъ доказываетъ, собственно, вотъ что. Если совершенно игнорировать содержаніе нашей мысли и останавливаться только на ея формахъ, на отношеніи однихъ ея формъ къ другимъ, то окажется невозможнымъ вывести правила, которыя вполне гарантировали-бы намъ мысль, дѣйствительно, согласную съ истиной. Предписанія логики опираются не только на особенности формъ мысли, но и на проверку нашихъ мыслей фактами, на согласіе нашихъ мыслей съ дѣйствительностью: иначе они не обезпечивали-бы намъ мысли, вѣрной объективной истинѣ. А потому логика никоимъ

⁵⁷⁷) Ibid. part I p. 252—253.

образомъ не можетъ быть наукой исключительно формальной. Правила, въ которыхъ мы касаемся только формъ мысли, не могутъ обезпечить ея истинности. Логика должна быть наукой не только формальной, но и — до нѣкоторой степени — «матерьяльной». Вопросы о томъ, какимъ образомъ мы составляемъ логическія предписанія, какъ самая наука логики ведетъ свои разсужденія, разсматриваетъ-ли послѣдняя, чтобы вывести извѣстные правила, законы, лишь формы человѣческой мысли или также и ея содержаніе, не свѣряютъ-ли представители нашей науки свои выводы съ фактами, мы здѣсь касаться не будемъ. Мы говоримъ объ основныхъ задачахъ логики, о томъ, какого рода положенія логика стремится установить, а не о томъ, какимъ путемъ эта наука свои правила вырабатываетъ. Формальна-ли логика или нѣтъ, — это значитъ, «формальны-ли или нѣтъ ея предписанія, ея законы; а какъ мы приходимъ къ тому, чтобы утверждать эти законы, — вопросъ другой. Выводимъ-ли мы законы логики, разсматривая только формы мысли нашей или основываясь также и на провѣркѣ фактами, — отъ этого задачи нашей науки не измѣняются. Если логика имѣетъ цѣлью установить чисто формальные законы мысли, а между тѣмъ выполняетъ, предположимъ, эту задачу не иначе, какъ, прибѣгая къ разсмотрѣнію фактовъ, наша наука все-же остается наукой о «формальныхъ» законахъ мысли, остается наукой формальной. Но Бенъ кромѣ того утверждаетъ, что правила, которыя касаются лишь формъ нашей мысли, не обезпечиваютъ намъ ея истинности, а потому логика и не можетъ быть наукой только формальной, что законы чисто формальные недостаточны. Мы уже видѣли, въ какомъ смыслѣ логику «формальную, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», дѣйствительно, можно назвать наукой формальной. Представители этого направленія стремятся указать такія особенности нормальной мысли, которыя *всегда* имѣютъ мѣсто при процессахъ *психологически однородныхъ*. Не будемъ говорить о томъ, насколько провѣрка посредствомъ фактовъ необходима при всякаго рода разсужденіяхъ. Это повело-бы насъ слишкомъ далеко. Станемъ на точку зрѣнія Бена. Пусть, подобная провѣрка необходима всегда, необходима и тогда, когда мы при

нашихъ разсужденіяхъ выполняемъ все «формальныя» правила логики. Развѣ это обстоятельство измѣняетъ формальный, въ указанномъ выше смыслѣ, характеръ нашей науки? Самая провѣрка эта, самое сравниваніе представляетъ опять таки нѣкоторый актъ мысли. Можно говорить объ особенностяхъ, которыя всегда наблюдаются при такомъ процессѣ мысли, объ общихъ особенностяхъ мысли нормальной при подобныхъ операціяхъ, при операціи провѣрки того или иного положенія посредствомъ фактовъ. Такимъ образомъ, если понимать терминъ «формальный» въ указанномъ смыслѣ, — а только такъ и возможно толковать его, имѣя въ виду истинныя основныя задачи логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», — то выходитъ, что возраженія Бена противъ формальнаго характера науки логики, строго говоря, не имѣютъ силы.

Бенъ указываетъ на какое-то противорѣчіе между понятіемъ о логикѣ, какъ наукѣ формальной, и своей идеей логики. Но, на самомъ дѣлѣ, подобнаго противорѣчія нѣтъ, и Бенъ преслѣдуетъ такія-же основныя задачи, какія стремится выполнить формальная логика или, по крайней мѣрѣ, логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Если ужъ необходимо указать, чѣмъ объясняется то обстоятельство, что Бенъ несогласенъ признать логику за формальную науку, если нужно выяснитъ «den Schein der Wahrheit» у нашего автора, какъ когда-то выражался Кантъ ⁵⁷⁸⁾, то можно остановиться на слѣдующемъ предположеніи. Бенъ, повидимому ⁵⁷⁹⁾, возражаетъ противъ понятія о логикѣ, какъ таковое развили приверженцы направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», и доказываетъ, что наука, построенная, согласно съ этимъ понятіемъ, не была-бы наукой о такихъ операціяхъ мысли, которыя, дѣйствительно, необходимымъ образомъ приводятъ насъ къ познанію объективной истины. Но логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», какъ мы видѣли, и не претендуетъ на это. Приверженцы такого направленія также разсуждаютъ

⁵⁷⁸⁾ Imm. Kant «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. (Hefte 20—21) «Logik». Brl. 1869 p. 58—63.

⁵⁷⁹⁾ Cp. Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. I p. 241—254.

объ особенностяхъ нормальной мысли, но принимаютъ другой критерій нормальности и ненормальности. Выработанныя ими правила должны обезпечить намъ вовсе еще не мысль, согласную съ истиной, а лишь мысль, согласную съ собой, послѣдовательную. Выходить, что всѣ возраженія Бена имѣютъ цѣлью доказать несостоятельность тенденцій, которыя логикѣ «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», вовсе не присущи. Наконецъ, каковы-бы ни были эти возраженія, если они направлены противъ логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», они теряютъ для насъ свой интересъ, ибо мы сопоставляемъ индуктивную логику, какъ сказано, съ логикой «формальной, въ болѣе широкомъ», а не въ «тѣсномъ смыслѣ этого слова».

Итакъ, разсужденія Бена, будто логика не можетъ быть наукой исключительно формальной, не противорѣчатъ утвержденію, что основныя задачи индуктивной логики и логики формальной одинаковы и что—мало того—Бенъ и самъ, строго говоря, понимаетъ задачи науки логики, такъ-же, какъ и послѣдователи направленія формальнаго.

Повторяемъ, позднѣйшіе представители индуктивнаго направленія Джонъ Стюартъ Милль и Бенъ и сами понимаютъ основныя задачи логики одинаково съ тѣмъ, какъ ставятъ дѣло приверженцы направленія формальнаго; только Бенъ при этомъ обнаруживаетъ нѣкоторую склонность принять точку зрѣнія такъ называемой метафизической логики.

Мы такимъ образомъ опредѣлили отношеніе между индуктивной логикой и логикой формальной. Въ обоихъ своихъ направленіяхъ логика преслѣдуетъ одинаковыя основныя задачи. Какъ представители формальной логики, такъ и приверженцы логики индуктивной лишь стремятся указать особенности нормальной мысли при различныхъ ея проявленіяхъ. Только логика формальная обращаетъ вниманіе преимущественно на одни проявленія нашей мысли, а индуктивная—на другія. Въ этомъ и находятъ себѣ опору антагонизмъ между двумя направленіями. Притомъ—что характерно и откуда, повидимому, главнымъ образомъ антагонизмъ между разсматриваемыми направленіями усиливается—какъ представители одного, такъ и приверженцы другаго направленія, разработавъ, на самомъ дѣ-

лѣ, только извѣстный отдѣлъ или извѣстные отдѣлы логики, обыкновенно считаютъ весь предметъ этой науки исчерпаннымъ, всѣ задачи ея выполненными. Послѣдователи формальнаго направленія, поставивъ себѣ сначала болѣе широкія задачи, потомъ ограничиваютъ, на самомъ дѣлѣ, предметъ своего разсмотрѣнія и все-же какъ-бы думаютъ, что ихъ разсужденіями исчерпывается весь предметъ науки логики; приверженцы-же направленія индуктивнаго прямо напередъ задаются цѣлью разсмотрѣть лишь такіа-то и такіа-то проявленія нормальной мысли и этимъ также, повидимому, хотятъ исчерпать все цѣлое нашей науки ⁵⁸⁰).

Сдѣлаемъ здѣсь еще одно замѣчаніе. Уже со временъ Аристотеля замѣтно у различныхъ представителей логики стремленіе свести индукцію къ силлогизму, показать, что индуктивный выводъ представляетъ ничто иное, какъ силлогистическое умозаключеніе. Чтобы не заходить слишкомъ далеко, не будемъ говорить о томъ, правильно-ли или неправильно подобное утвержденіе. Посмотримъ только, какое значеніе могъ-бы имѣть такой взглядъ для насъ, еслибы его пришлось принять. Формальная логика обыкновенно останавливается почти исключительно на ученіи о силлогизмѣ, индуктивная—на разработкѣ теоріи индукціи. Еслибы оказалось, что индуктивный выводъ также представляетъ силлогизмъ, то сходство въ содержаніи между сочиненіями интересующихъ насъ направлений увеличилось-бы, и это обстоятельство только говорило-бы въ пользу мнѣнія, что основныя задачи логики индуктивной и—формальной одинаковы. Но мы утверждаемъ, что при сходствѣ основныхъ задачъ формальная логика обращаетъ особое вниманіе

⁵⁸⁰) Ср. проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 227—229; тамъ-же стр. 247 — 248; тамъ-же стр. 250 — 257; Ch. Renouvier «Essais de critique générale. Premier essai. Traité de logique générale et de logique formelle». T. I—III. 2-e éd. Par. 1875. T. I p. 244 — 257; B. St. Hilaire «Logique» («Dictionnaire des sciences philosophiques» par une société de professeurs et de savants. T. III. Par. 1847) p. 608—609; ibid. p. 616—617; V. Brochard «La logique de J. St. Mill» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». T. XII. 1881 p. 449 — 478, 592 — 614); Ph. Damiron «Cours de philosophie. Logique». Brux. 1837. «Préface» p. XXIII—XXXII; Fr. Rabab «Das inductive und ursachliche Denken». Wien 1882 p. 74—75; E. F. Friedrich «Beiträge zur Förderung der Logik, Noëtik und Wissenschaftslehre». Leipz. 1864 p. 24—25.

на одну часть предмета нашей науки, а индуктивная—на другую. Быть может, пришлось-бы тогда отказаться отъ этого послѣдняго утверждения? Основная задача, какъ формальной, такъ и индуктивной логики заключается въ томъ, чтобы опредѣлить особенности нормальной мысли, — особенности, которыя всегда имѣютъ мѣсто при психологически однородныхъ процессахъ. Говорить, что представители индуктивнаго направленія разсматриваютъ одинъ отдѣлъ науки логики, а послѣдователи формальнаго—другой, казалось-бы, и значить утверждать, что тѣ процессы, на которыхъ съ особымъ вниманіемъ останавливается формальная логика, и процессы, о которыхъ трактуетъ логика индуктивная, неоднородны, съ психологической точки зрѣнія. Между тѣмъ, если индуктивный выводъ вливается въ форму силлогизма, то выходитъ, что послѣдователи обоихъ направленій одинаково обсуждаютъ лишь процессъ силлогистическаго умозаключенія. Но можно силлогизмы вообще раздѣлить на двѣ группы такъ, чтобы въ одну входили только индуктивные заключенія. Быть можетъ, обнаружится нѣкоторая разница между такими двумя разрядами. Если индуктивный выводъ разсматривать, какъ силлогистическое умозаключеніе, то за большую посылку здѣсь каждый разъ нужно считать всеобщій законъ причинности, тогда какъ въ дедуктивныхъ умозаключеніяхъ могутъ встрѣчаться и всякаго рода инныя большія посылки. Разъ исторія нашей науки развившимися здѣсь направленіями, повидимому, устанавливаетъ такое дѣленіе силлогизмовъ,—правильно-ли подобное раздѣленіе или нѣтъ,—то обстоятельство, будто индуктивный выводъ представляетъ силлогистическое умозаключеніе, не мѣшаетъ намъ сказать, что индуктивная логика и логика формальная посвящены одному предмету обсуждения, но представители этихъ направленій все-же съ особымъ вниманіемъ разсматриваютъ различныя проявленія человѣческой мысли, различныя части этого предмета, различные (хотя-бы и предполагая неправильное раздѣленіе логики на части) отдѣлы науки логики⁵⁸¹).

⁵⁸¹) Быть можетъ, подобное дѣленіе силлогизмовъ неправильно. Все-же логика формальная разсматривала-бы одну изъ группъ, которыя получаются при такомъ раздѣленіи, а индуктивная—другую, все-же, какъ представители одного изъ разбираемыхъ направленій, такъ и приверженцы—другаго обсуждали-бы лишь извѣстные акты мысли, принадлежащіе къ данному разряду,—разряду силлогистическихъ умозаключеній вообще,—а не всякаго рода сюда относящіеся процессы, и притомъ въ индуктивной логикѣ дѣло шло-бы объ однихъ актахъ мысли, въ формальной—о другихъ.

Мы пришли къ заключенію, что индуктивная логика преслѣдуетъ такіа-же основныя задачи, какія ставятъ себѣ представители логики формальной. Вся разниа между этими двумя «направленіями» заключается въ томъ, что послѣдователи формальнаго обращаютъ особое вниманіе на силлогизмъ, а объ индукціи говорятъ только между прочимъ и—въ большинствѣ случаевъ—признаютъ такъ называемую *inductio per enumerationem simplicem*, тогда какъ приверженцы направленія индуктивнаго сосредоточиваютъ свой интересъ на теоріи индукціи, силлогизму-же придаютъ значеніе второстепенное и притомъ отвергаютъ *inductio per enumerationem simplicem*. Понятно, что такое различіе можетъ измѣняться, можетъ увеличиваться и уменьшаться, смотря по тому, какое мы сочиненіе возьмемъ. Наконецъ, возможенъ и такой случай, когда трудно рѣшить, къ какому направленію данное сочиненіе отнести, когда, положимъ, и силлогизмъ авторъ трактата разматриваетъ внимательно и индукціи далеко не игнорируетъ, да и вовсе не защищаетъ при этомъ *inductio per enumerationem simplicem*. Что при обзорѣ, такъ сказать, историческаго матерьяла науки логики подобныя затрудненія встрѣчаются,—этому, говоримъ мы, нельзя удивляться. Задачи индуктивной логики и—формальной одинаковы. А потому, если раздѣлить сочиненія по логикѣ, исходя изъ основныхъ задачъ, которыя различныя трактаты преслѣдуютъ, то нельзя выставить рубрики: а) формальная логика и б) логика индуктивная. По основнымъ своимъ задачамъ всякая формальная логика есть логика индуктивная, и всякая индуктивная логика—логика формальная. Мы, на самомъ дѣлѣ, распредѣляемъ сочиненія въ эти двѣ группы по инымъ признакамъ, а не по основнымъ задачамъ, которыя различныя ученые и мыслители стремятся выполнить. И, если эти, такъ сказать, посторонніе признаки исчезаютъ, логическій трактатъ можно съ полнымъ правомъ отнести къ какому угодно разряду. Между тѣмъ мы вели нашъ краткій обзоръ, именно, предполагая такіа рубрики.—Въ числѣ подобныхъ сочиненій назовемъ «Cours de philosophie. Logique» (Brix. 1837). Ph. Damiron'a, который стремится соединить логику формальную съ индуктивной ⁵⁸²⁾.—Можно здѣсь упомянуть и объ «Traité de logique» J. Duval-Jouve'a ⁵⁸³⁾,—трак-

⁵⁸²⁾ См. «Préface» p. V—XLVIII; *ibid.* p. 1—9.

⁵⁸³⁾ См. J. Duval-Jouve «Traité de logique ou essai sur la théorie de la science». 2-me éd. Par. 1855.

татъ, по общей тенденціи близко напоминающемъ такъ называемое индуктивное направление въ логикѣ, а также о сочиненіяхъ J. Delboeuf'a ⁵⁸⁴), который, повидимому, придаетъ теоріи индукціи большое значеніе ⁵⁸⁵), хотя самъ подробной разработкой этой теоріи не занимается.—Далѣе укажемъ на Ern. Naville'я. Послѣдній пишетъ цѣлый трактатъ о построеніи гипотезъ, т. е. объ употребленіи одного изъ приѣмовъ, которые представители индуктивной логики обыкновенно считаютъ вспомогательными при наведеніи ⁵⁸⁶).—Относительно Él. Rabier ⁵⁸⁷) мы уже говорили, когда дѣло шло о направленіи «формальномъ, въ тѣсномъ смыслѣ». Какъ мы видѣли, первая часть его «Логики» заключаетъ въ себѣ изложеніе логики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ». Что-же касается второй части, которую Él. Rabier озаглавливаетъ «Logique appliquée», то здѣсь нашъ авторъ съ особымъ вниманіемъ останавливается на вопросахъ, которые обыкновенно обсуждаютъ послѣдователи индуктивнаго направленія ⁵⁸⁸).—Внимательно разсуждаетъ объ индукціи и Em. Charles ⁵⁸⁹), а также P. Laloï и F. Picavet ⁵⁹⁰).—Теоріи индукціи посвящаетъ цѣлое особое сочиненіе E. F. Apelt ⁵⁹¹), причѣмъ онъ впрочемъ разрабатываетъ эту теорію въ иномъ направленіи, чѣмъ представители такъ называемой индуктивной логики.—Упомянемъ здѣсь также о J. Норре ⁵⁹²), который останавливается на приѣмахъ индуктивнаго изслѣдованія гораздо подробнѣе, чѣмъ какъ это обыкновенно дѣлаютъ приверженцы формальной логики, хотя и онъ, подобно E. F. Apelt'у,

⁵⁸⁴) J. Delboeuf «Essai de logique scientifique». Liège 1865; «Logique algorithmique» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». T. II. 1876 p. 225—252, 335—355, 545—595).

⁵⁸⁵) «Logique algorithmique» (см. предш. примѣч.). p. 225—252.

⁵⁸⁶) Ern. Naville «La logique de l'hypothèse». Par. 1880.

⁵⁸⁷) Él. Rabier «Leçons de philosophie. II. Logique». 2-me éd. Par. 1888.

⁵⁸⁸) См. ibid. p. 93—382.

⁵⁸⁹) Em. Charles «Éléments de philosophie». T. II. «Logique. Morale. Éléments de métaphysique» Par. 1885. См. p. 75—78. Cp. ibid. p. 89—216.

⁵⁹⁰) P. Laloï et F. Picavet «Instruction civique ou philosophie pratique. Psychologie, logique, morale pratique, économie politique, morale théorique, instruction civique». Par. 1888. См. p. 143 — 164. Cp. ibid. p. 131 — 142; ibid. p. 164—216.

⁵⁹¹) E. F. Apelt «Die Theorie der Induction» Leipz. 1854.

⁵⁹²) Свое сочиненіе онъ озаглавливаетъ: «Die gesammte Logik. Ein Lehr- und Handbuch, aus den Quellen bearbeitet vom Standpunkte der Naturwissenschaften, und gleichzeitig als Kritik der bisherigen Logik» (Paderb. 1868).

построяетъ теорію индукціи скорѣе въ духѣ прежняго ученія объ *inductio per enumerationem simplicem*, чѣмъ въ духѣ Бекона и его преемниковъ ⁵⁹³).—Ближе къ этому послѣднему по своему взгляду на индуктивное изслѣдованіе подходитъ Fr. A. Hartsen ⁵⁹⁴), который обращаетъ большое вниманіе на выдѣленіе причины и дѣйствія или группы причинъ и соотвѣтствующаго данной группѣ причинъ дѣйствія въ частныхъ, наблюдаемыхъ нами случаяхъ ⁵⁹⁵).—Fr. Raab весьма настойчиво требуетъ, чтобы представители науки логики разрабатывали ученіе объ индукціи тщательно и подробно, чѣмъ прежде ⁵⁹⁶).—Наконецъ, если признавать индуктивную логику за особое направленіе, то можно сказать, что и W. Wundt до нѣкоторой степени находится подъ вліяніемъ этого направленія ⁵⁹⁷).—У насъ въ Россіи останавливается съ большимъ вниманіемъ на приемахъ индуктивнаго изслѣдованія проф. Варш. ун. Г. Ю. Струве въ своемъ учебникѣ ⁵⁹⁸), проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ ⁵⁹⁹) и проф. Моск. ун. М. М. Троицкій ⁶⁰⁰) въ своихъ сочиненіяхъ по логикѣ.—Укажемъ здѣсь также на «Основные типы умозаключеній» (Спб. 1888) Л. Рутковского.

⁵⁹³) См. *ibid.* p. 662—802.

⁵⁹⁴) Fr. A. Hartsen „Grundzüge der Logik“. Brl. 1873.

⁵⁹⁵) См. *ibid.* p. 42—88. Ср. *ibid.* p. 89—132.

⁵⁹⁶) Fr. Raab «Das inductive und ursachliche Denken». Wien 1882.

⁵⁹⁷) W. Wundt „Logik“. Bde I—II. Stuttg. 1880—1883. См. особ. Bd. II.

⁵⁹⁸) Пр. Варш. ун. Г. Ю. Струве «Элементарная логика». 1874. См. § 27—28, 31—33, 36.

⁵⁹⁹) Проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. См. стр. 210—303. Ср. тамъ-же «Приложеніе» стр. 193—257.

⁶⁰⁰) Проф. Моск. ун. М. М. Троицкій «Учебникъ логики съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и въ другихъ странахъ». Книги I—III (кн. I изд. 2-е). Москва 1886—1888. См. кн. II.